

БРИТТАНИ Ш. ЧЕРРИ

ОГОНЬ

*это горит
в нас*

18+

Я твое самое желанное Небо.
Ты моя самая горькая Земля.

Freedom. Бриттани Ш. Черри. Лучшая романтическая проза

Бриттани Ш. Черри
Огонь, что горит в нас

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Черри Б.

Огонь, что горит в нас / Б. Черри — «Эксмо», 2016 — (Freedom.
Бриттани Ш. Черри. Лучшая романтическая проза)

ISBN 978-5-04-112632-2

Жил-был парень, и я полюбила его. Мы с Логаном были двумя сторонами одной медали. Он танцевал с демонами, пока я радовалась свету. Он почти все время был хмурым, а я не могла не улыбаться. Он стал Землей, а я Небом. В ту ночь, когда я увидела тьму в его глазах, которая жила и расцветала внутри, я не смогла отвести взгляд. Оба мы были и разбиты, и цельны. Вместе ошибались, но по-своему оказывались правы. Мы напоминали две звезды, горящие в ночном небе: в вечных поисках, в молитвах о лучшем будущем. До того дня, пока я окончательно его не потеряла. Он избавился от всего, что нас связывало одним поспешным решением, и это изменило жизнь навсегда. Жил-был парень, и я полюбила его. И ради нескольких вдохов, пары мгновений и минут прикосновений, в которые он полюбил меня в ответ, — я готова была начать все сначала.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-112632-2

© Черри Б., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

Пролог	6
Часть 1	10
Глава 1	11
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	40
Глава 6	42
Глава 7	44
Глава 8	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Бриттани Ш. Черри

Огонь, что горит в нас

Посвящается

Тем, у кого внутри горит огонь и кто жаждет лучшего «завтра».

Тем, кому нужно знать, что их прошлые ошибки не определяют их.

То есть – тебе.

Brittainy C. Cherry

The Fire Between High and Lo

Copyright © 2016. The Fire Between High and Lo by Brittainy C. Cherry

Published by arrangement with Bookcase Literary Agency and Andrew Nurnberg Literary Agency.

© Смирнова М., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Пролог

Алисса

Стоя в очереди к кассе, парень в красной толстовке неотрывно глазел на меня. Я видела его и прежде, много раз, включая то утро понедельника. Каждый день он со своими друзьями ошивался в переулке за продуктовым магазином, где я работала. Я видела их, когда начальница поручала мне сминать картонные коробки и относить мусор к контейнеру. Парень в красной толстовке каждый день неизменно присутствовал там. Они сильно шумели, курили сигареты и громко ругались. Он выделялся среди них, потому что остальные смеялись и улыбались, а он помалкивал, как будто мысленно был где-то не здесь. Он лишь иногда едва заметно кривил губы, и я гадала, умеет ли он вообще улыбаться. Может быть, он был из тех людей, которые просто существуют, а не живут.

Иногда мы встречались глазами, и я всегда отводила взгляд.

Мне было трудно смотреть в его глаза карамельно-карего цвета, потому что они были ужасно грустными – таких печальных глаз я не видела ни у кого из его ровесников. Под ними залегали глубокие фиолетовые тени и уже виднелись тонкие морщинки, но он все равно был красивым. Приятный замученный парень. Никто в таком юном возрасте не должен выглядеть настолько изможденным и настолько прекрасным одновременно. Я была почти уверена, что он, несмотря на свою юность, прожил уже сотню тяжких лет. Он непрерывно вел какую-то внутреннюю войну, каких не ведаёт большинство живущих на свете людей, я понимала это по тому, как он стоял: плечи ссутулены, спина никогда не выпрямляется полностью.

Однако он не во всем выглядел настолько сломленным.

Его темные волосы, не длинные и не короткие, всегда были в идеальном порядке. Всегда. Иногда он доставал расческу и проводил ею по своей шевелюре, словно какой-нибудь гризер¹ из пятидесятых годов. Он всегда носил практически одинаковую одежду: простые футболки без рисунка, белые или черные, иногда набрасывал поверх красную толстовку. Неизменно черные джинсы и черные кроссовки с белыми шнурками. Не знаю почему, но при виде этого простого наряда у меня по спине всегда пробежал холодок.

Еще я отметила его руки. В них постоянно была зажигалка, которой он непрерывно щелкал. Я гадала: осознает ли он вообще, что делает это? Казалось, что огонь, вырывающийся из зажигалки, был просто частью его существования.

Отсутствующее выражение лица, усталые глаза, идеальная прическа и зажигалка в руках.

Какое имя могло бы подойти такому парню?

Может быть, Хантер. Оно звучало вполне пригодно для плохого парня – каким он и был, по моему разумению. Или Гас. Гас-гризер. Бриолиновый Гас. Или Майки – потому что это звучало мило, полностью противоположно тому, каким он казался, а мне нравились такие противоположности.

Но в данный момент его имя не имело значения.

Имело значение то, что он стоял напротив меня. Лицо его сейчас оказалось более выразительным, чем тогда, когда я видела его в переулке. Оно было свекольно-красным, пальцы беспокойно шевелились все то время, пока он ждал в очереди к моей кассе. В его глазах читался сильный, мучительный стыд, когда он снова и снова прикладывал к считывателю свою льготную продуктовую карточку. Каждый раз автомат отклонял карту. «Недостаточно средств».

¹ Гризеры – молодежная субкультура, получившая популярность в 1950-е годы в Соединенных Штатах.

Каждый раз парень мрачнел все сильнее. «Недостаточно средств». Он прикусил нижнюю губу и пробормотал себе под нос:

– Чушь какая-то...

– Я могу попробовать считать карту на кассе, если хотите. Иногда автоматы просто неправильно срабатывают. – Я улыбнулась ему, но он не улыбнулся в ответ. Лицо его оставалось жестким и холодным, брови были агрессивно сведены... и все же он протянул мне свою карточку. Я провела ею по считывателю своей кассы и нахмурилась. «Недостаточно средств». – Программа говорит, что на карточке не хватает денег.

– Спасибо, Капитан Очевидность, – пробормотал парень.

«Грубиян».

– Чушь какая-то. – Он фыркнул, его грудная клетка приподнялась и опала. – Мы только вчера получили на нее деньги.

Кто – «мы»? «Не твое дело, Алисса».

– У вас нет другой карточки, может быть, она сработает?

– Если бы у меня была другая карточка, я уже попробовал бы ее, верно? – рывкнул он, отчего я вздрогнула. Хантер. Его должны звать Хантером. Злой, наглый парень Хантер. Или, быть может, Трэвис. Я читала книгу, в которой был человек по имени Трэвис, и он был очень плохим. Настолько плохим, что мне пришлось закрыть книгу, иначе бы я закричала и покраснела одновременно.

Парень вздохнул, окинул взглядом скопившуюся за ним очередь, потом посмотрел мне в глаза.

– Извините, я не хотел на вас кричать.

– Все в порядке, – ответила я.

– Нет, это было неправильно. Прошу прощения. Могу я просто оставить все это здесь на секунду? Мне нужно позвонить матери.

– Да, конечно. Я просто пока отложу ваши покупки, и вы сможете пробить их после того, как все уладите. Не беспокойтесь.

Он почти улыбнулся, и я едва не ахнула. Я не знала, что он умеет *почти* улыбаться. Может быть, это просто подергивание губ, но когда их уголки слегка приподнялись, это оказалось очень красиво. Я видела, что ему не особо часто случается улыбаться.

Когда он отошел в сторону и набрал номер своей матери, я изо всех сил постаралась не подслушивать. Я начала пробивать покупки следующего клиента, но мой любопытный слух и взгляд постоянно норовили обратиться на того парня.

– Мам, я просто хочу сказать, что чувствую себя полным идиотом. Я прикладывал карточку, но ее всякий раз отклоняли... Я знаю пин-код. Я его вводил... Ты вчера пользовалась карточкой? Для чего, что ты купила?

Он отстранял телефон от лица, когда мать отвечала ему, и закатывал глаза, прежде чем снова поднести трубку к уху.

– В каком смысле – ты купила тридцать две упаковки кока-колы? – закричал парень. – Что мы будем делать с тридцатью двумя упаковками колы?

Все в магазине повернулись к нему. Он встретился со мной взглядом и, похоже, снова смутился. Я улыбнулась. Он нахмурился. Душераздирающе красиво. Потом медленно повернулся ко мне спиной и опять заговорил в телефон:

– И что, по-твоему, мы будем есть весь следующий месяц?.. Да, мне заплатят завтра, но этого не хватит, чтобы... Нет. Я не хочу снова просить денег у Келлана... Мам, не прерывай меня. Послушай. Мне нужно платить за жилье. Я никак не смогу... – Пауза. – Мам, заткнись, ладно?! Ты потратила на кока-колу деньги, на которые я должен был купить еду.

Короткая пауза. Резкие, сердитые взмахи рукой.

– Нет! Нет, мне плевать, диетическая это кола или кола-зеро! – Он вздохнул и провел рукой по волосам. На несколько мгновений положил телефон на столик, зажмурился и сделал несколько глубоких вдохов. Потом снова взял телефон. – Все в порядке. Я что-нибудь придумаю. Не волнуйся об этом, ладно? Я что-нибудь придумаю. Я сейчас закончу звонок. Нет, мам, я не злюсь. Да, точно. Мне просто надо идти. Да, я знаю. Все в порядке. Я не злюсь, понимаешь? Извини, что наорал на тебя. Извини. Я не злюсь. – Его голос стал совсем тихим, но я не могла перестать слушать. – Извини.

Когда он снова повернулся ко мне, я как раз заканчивала обслуживать последнего покупателя в очереди. Парень пожал левым плечом и подошел ближе, потирая затылок.

– Кажется, сегодня я не смогу купить все это. Прошу прощения. Я могу поставить все товары обратно на полки. Извините. Извините. – Он продолжал извиняться.

Внутри у меня все сжалось.

– Все нормально. Правда. Я с этим разберусь. Я все равно сейчас заканчиваю работу. Я все расставлю по местам.

Он снова нахмурился. Я хотела бы, чтобы он перестал хмуриться.

– Хорошо, извините.

И еще я хотела бы, чтобы он перестал извиняться.

Когда он ушел, я заглянула в его пакеты с покупками. Видеть набранные им товары было горько. В целом покупок было примерно на одиннадцать долларов – и даже этого он не смог себе позволить. Лапша-рамен, зерновые хлопья, молоко, арахисовое масло и батон хлеба – продукты, которые я покупала, даже не задумываясь об их цене.

Никогда не знаешь, насколько хорошо тебе живется, пока не увидишь, насколько плохо живется другому.

– Эй! – окликнула я его, бегом догоняя его на парковочной площадке. – Эй! Вы забыли вот это!

Он медленно обернулся и в замешательстве сощурился.

– Ваши пакеты, – объяснила я, протягивая и ему. – Вы забыли свои пакеты.

– Вас уволят.

– Что?

– За воровство товара.

Я несколько мгновений колебалась, сбита с толку тем, что первой ему в голову пришла мысль о том, будто я украла эти продукты.

– Я их не воровала. Я заплатила за них.

Взгляд его сделался мрачным.

– Зачем вы это сделали? Вы ведь даже меня не знаете.

– Я знаю, что вы пытаетесь позаботиться о своей матери.

Он сжал переносицу двумя пальцами и помотал головой.

– Я верну вам эти деньги.

– Нет, не беспокойтесь об этом. – Я покачала головой. – Это не такая уж большая сумма.

Он прикусил нижнюю губу, потом провел рукой по глазам.

– Я их все равно вам верну. Но... спасибо. Спасибо вам... э-э... – Его взгляд упал на мою грудь, и на пару секунд мне стало не по себе, пока я не поняла, что он просто читает имя на моем бейджике. – Спасибо вам, Алисса.

– Пожалуйста. – Он повернулся и пошел своей дорогой. – А вы? – окликнула я его, пару раз икнув – а может быть, и целых пятьдесят раз.

– А что – я? – спросил он, не оборачиваясь и не замедляя шага.

– Как вас зовут?

«Хантер? Гас? Трэвис? Майки?»

Он определенно был похож на Майки.

– Логан, – отозвался он и продолжил идти, не оборачиваясь. Я прикусила воротничок своей блузки и стала его жевать: это была дурная привычка, за которую мама всегда кричала на меня, но мамы здесь не было, а вот крошечные бабочки у меня в животе определенно были.

«Логан».

Если хорошенько подумать, он определенно выглядел как Логан.

* * *

Несколько дней спустя он вернулся, чтобы отдать мне деньги. Потом стал приходить каждую неделю, чтобы купить батон хлеба, или лапшу-рамен, или упаковку жвачки. Он всегда подходил к моей кассе. В какой-то момент мы с Логаном начали болтать, пока я пробивала ему покупки. Мы выяснили, что его родной брат встречается с моей сестрой, и это тянется, похоже, уже целую вечность. Как-то раз Логан почти улыбнулся. А в другой раз даже засмеялся, честное слово. Мы в некотором роде подружились, начав с короткого обмена словами и перейдя к более пространным разговорам.

Когда я уходила с работы, он сидел на бордюре у края парковки и ждал меня, и мы снова разговаривали.

Мы бродили под жарким солнцем, покрывавшим нашу кожу загаром. Мы расставались вечерами под яркими звездами.

Я познакомилась со своим лучшим другом в очереди к кассе в продуктовом магазине. И моя жизнь уже не была прежней.

Часть 1

Его душа была объята пламенем, и он обжигал всех, кто подходил слишком близко.

Она подошла ближе, не боясь того, что им суждено обратиться в пепел.

Глава 1

Логан

Спустя два года, семь девушек, два друга, девять расставаний и еще более крепкую дружбу.

Я смотрел документальный фильм о пирогах.

Потратил два часа жизни на то, чтобы, сидя перед крошечным телевизором, просмотреть с библиотечного DVD-диска фильм про историю пирогов. Оказалось, что пироги известны еще со времен Древнего Египта. Первое документальное свидетельство о пирогах относится ко временам Древнего Рима; римляне запекали в ржаном тесте козий сыр с медом. Это звучало совершенно отвратительно, но почему-то к концу фильма мне больше всего на свете хотелось попробовать такой вот дурацкий пирог.

Я не очень-то любил пироги, предпочитал торты, но в этот момент мою голову полностью занимала мысль о хрустящей, крошащейся корочке.

У меня было все для того, чтобы испечь такой пирог, нужно было только взять все ингредиенты и подняться наверх, в мою квартиру. И мешала мне только Шэй, моя ныне бывшая подружка. Последние несколько часов я только и делал, что посылал смешанные сигналы.

Я фигово умел расставаться с девушками. В большинстве случаев я просто посылал им сообщение: «Ничего не получится, извини», – или в пятисекундном разговоре сообщал, что все закончилось. Но сейчас я не мог так поступить, потому что Алисса сказала мне, что расставаться с кем-то по телефону – это ужасный поступок, самый худший в такой ситуации. Поэтому я решил поговорить с Шэй лично. Кошмарная идея.

«Шэй, Шэй, Шэй». Я жалел о том, что в этот вечер почувствовал потребность заняться с нею сексом – и мы занялись. Три раза. *После* того, как я порвал с ней. Но сейчас уже был час ночи, и...

Она. Не собиралась. Уходить.

И не прекращала болтать.

Мы стояли у моего подъезда, лил холодный дождь, дул ветер. Я хотел лишь подняться наверх, в свою комнату, и немного расслабиться. Неужели я так много желал? Покурить, поставить новый документальный фильм и испечь пирог. Или пять пирогов.

Я хотел побыть один. Никто не любил быть в одиночестве так сильно, как я.

Мой мобильник звякнул, и я увидел, как на экране появилось имя Алиссы, а потом сообщение:

Алисса: Доброе дело свершилось?

Я ухмыльнулся про себя, зная, что она имеет в виду мое расставание с Шэй.

Я: Да.

Я смотрел на три кружочка, всплывшие на экране, и ждал ответа Алиссы.

Алисса: Но ты с ней не спал, верно?

Еще кружочки.

Алисса: О боже, ты с ней спал, да?

Опять кружочки.

Алисса: СМЕШАННЫЕ СИГНАЛЫ!

Я не смог сдерживать смех, потому что она знала меня лучше, чем кто-либо другой. В минувшие два года мы с Алиссой стали лучшими друзьями, хотя и были полной противоположностью друг другу. Ее старшая сестра встречалась с моим братом Келланом, и вначале мы с Алиссой были убеждены, будто у нас нет ничего общего. Она с удовольствием сидела в церкви, пока я курил за углом. Она верила в Бога, а я танцевал с демонами. У нее было будущее, а я, похоже, был навсегда заперт в прошлом.

Но у нас определенно было кое-что общее, и это придавало смысл нашей дружбе. Ее мать едва-едва терпела ее; моя мать меня ненавидела. Ее отец был придурком; мой отец был Сатаной.

Когда мы осознали эти общие для нас обоих мелочи, мы стали проводить вместе больше времени, день ото дня сближаясь друг с другом.

Она была моим лучшим другом, светом моих самых худших дней.

Я: Я переспал с ней один раз.

Алисса: Два раза.

Я: Да, два.

Алисса: ТРИ РАЗА, ЛОГАН?! О ГОСПОДИ!

– С кем ты общаешься? – прохныкала Шэй, заставив меня поднять взгляд от телефона. – Кто может сейчас быть для тебя важнее нашего разговора?

– Алисса, – без обиняков ответил я.

– О боже, ты серьезно? Ей что, не хватает твоего внимания? – обиделась Шэй. Впрочем, в этом не было ничего нового: каждая девушка, с которой я встречался за последние два года, ужасно ревновала меня к нашей с Алиссой дружбе. – Ты наверняка ее трахал.

– Ну да, а что? – отозвался я. Это была первая ложь. Алисса не была легкодоступной, а если бы и была, то не для меня. У нее свои стандарты – стандарты, которым я не соответствовал. И вдобавок у меня были свои стандарты для отношений с Алиссой – стандарты, до которых ни один парень никогда не дотянул бы. Она заслуживала всего самого лучшего в мире, а большинство людей в Тру-Фоллз, штат Висконсин, могли предложить лишь жалкие крохи.

– Зуб даю, это из-за нее ты расстался со мной.

– Да, из-за нее.

Это была вторая ложь. Я сам принимал решения, но Алисса всегда поддерживала меня, невзирая ни на что. Однако при этом она высказывала свое мнение по вопросу и всегда давала мне понять, какие ошибки я сделал в своих отношениях. Иногда она бывала просто болезненно прямолинейна.

– Но она даже по-настоящему не станет мутить с тобой. Она хорошая девушка, а ты... ты просто говнюк! – крикнула Шэй.

– Ты права. – Это была первая правда.

Алисса была хорошей девушкой, а я был парнем, у которого нет ни единого шанса заполучить такую девушку. Хотя иногда я смотрел на ее непокорные волнистые белокурые волосы, и мне думалось о том, каково было бы прижать ее к себе и медленно целовать ее губы. Может быть, в каком-нибудь другом мире я был бы достоин ее. Может быть, если бы меня не загнали в угол с самого детства, моя жизнь стала бы цельной. Я пошел бы в колледж, сделал бы карьеру – мне было бы что предъявить людям. Тогда я мог бы пригласить ее на свидание, отвезти в какой-нибудь шикарный ресторан и сказать, чтобы она заказала себе что угодно из меню, потому что деньги не проблема.

Я сказал бы ей о том, что ее синие глаза всегда улыбаются, даже когда она хмурится, и что мне нравится, как она жуёт воротнички своих блузок и футболок, когда ей скучно или тревожно.

Я стал бы человеком, достойным любви, и она позволила бы мне любить ее.

В другом мире – может быть. Но у меня было только «здесь» и «сейчас», где Алисса была моим лучшим другом.

И мне повезло, что она рядом со мной хотя бы так.

– Ты говорил, что любишь меня! – всхлипнула Шэй, и по щекам ее покатились слезы.

Давно ли она плакала? Она была просто профессиональной плаксой.

Я посмотрел ей в лицо и сунул руки в карманы джинсов. Черт побери, она выглядела ужасно. Она еще не протрезвела после вечерней выпивки, а сейчас весь ее макияж размазался по лицу.

– Я этого не говорил, Шэй.

– Нет, говорил! Говорил, и не один раз! – заявила она.

– Придумываешь черт-те что. – Я мог бы прокрутить в голове воспоминания и проверить, не слетали ли с моего языка эти три слова, но я знал, что никогда не произносил их. Я никого не любил, я и симпатию-то испытывал едва-едва. Я потер пальцами висок. Шэй лучше всего было бы сесть в свою машину и уехать – и желательно подальше.

– Я не дура, Логан! Я знаю, что ты говорил, а чего нет! – Она верила, что я ее любил, и это в целом было ужасно грустно. – Ты говорил это только недавно, вечером! Помнишь? Ты сказал, что любишь меня!

Вечером? «О черт!»

– Шэй, я сказал, что мне нравится заниматься с тобой любовью. А не то, что я люблю тебя.

– Это одно и то же.

– Поверь, это совсем разное.

Она замахнулась на меня сумочкой, и я позволил ей ударить меня. По правде говоря, я это заслужил. Она замахнулась снова, и я еще раз это позволил. Она замахнулась в третий раз, и я перехватил сумочку и рванул на себя – а вместе с ней и Шэй. Моя рука легла ей на поясницу, и Шэй подалась ко мне. Я прижал ее к себе. Ее дыхание было тяжелым, по щекам все еще катились слезы.

– Не плачь, – прошептал я, включая весь свой шарм, чтобы убедить ее уехать. – Ты слишком красива, чтобы плакать.

– Какой же ты засранец, Логан!

– Именно поэтому тебе и не следует быть со мной.

– Мы расстались всего три часа назад, а ты уже стал совершенно другим.

– Забавно, – пробормотал я. – Потому что, насколько я помню, это ты стала другой, когда связалась с Ником.

– А, да забудь ты об этом. Это была ошибка. У нас даже секса не было. Ты единственный парень, с которым я спала за последние шесть месяцев.

– Э-э... но мы с тобой встречались восемь месяцев.

– Ты что, математик? Это неважно.

Отношения с Шэй были у меня самыми длинными за последние два года. В большинстве случаев все ограничивалось одним месяцем, но с Шэй мы встречались целых восемь месяцев и два дня. Не знаю, почему так вышло, если не считать того, что ее жизнь была почти точной копией моей. Ее мать была слегка чокнутой, а отец сидел в тюрьме. Ей не с кого было брать пример, а ее сестру выгнала из дома родная мать, потому что та залетела от какого-то придурка.

Быть может, тьма, живущая во мне, в течение некоторого времени видела и уважала тьму, живущую в Шэй. Наши отношения имели смысл. Но с течением времени я стал понимать, что из-за своей похожести мы с ней не могли по-настоящему принадлежать друг другу. Мы оба были слишком сломленными. Быть с Шэй – это все равно что смотреть в зеркало и видеть все свои шрамы.

– Шэй, давай не будем. Я устал.

– Ладно. Я и забыла – ты же у нас Мистер Совершенство. Иногда люди делают неправильный выбор в жизни, – объяснила Шэй.

– Ты гуляла с моим другом, Шэй.

– Вот именно: просто гуляла. И то только потому, что ты мне изменял.

– Даже не знаю, что на это ответить, учитывая, что я тебе никогда не изменял.

– Может быть, не в постели, зато в эмоциях, Логан. Ты никогда не был полностью со мной, никогда не принадлежал мне до конца. И в этом виновата Алисса. Именно из-за нее ты никогда по-настоящему не был моим. Какая же она тупая су...

Я зажал ей рот ладонью, заставив умолкнуть.

– Прежде чем скажешь то, что собираешься сказать, остановись. – Я убрал руку, но Шэй продолжала молчать. – Я с первого же дня говорил тебе, кто я такой. Ты сама виновата в том, что решила, будто можешь переделать меня.

– Ты никогда ни с кем не будешь счастлив, верно? Потому что ты смотришь только на девушку, которую никогда не сможешь получить. И в конце концов ты так и остаешься один, разочарованный и мрачный. Тогда ты поймешь, как тебе было круто со мной!

– Ты можешь просто уехать? – вздохнул я, проведя рукой по лицу. Алисса действительно была кое в чем виновата. «Поговори с ней лично, лицом к лицу, Ло. Только так должен поступать настоящий мужчина. Нельзя расставаться с кем-то по телефону». Иногда у нее бывали кошмарные идеи.

Шэй продолжала плакать. О господи, эти слезы. Я больше не мог видеть их.

Несколько раз хлопнув носом, она уставилась в землю, потом высоко вскинула голову, и во взгляде ее загорелась искра уверенности.

– Думаю, нам нужно расстаться.

Я потрясенно уставился на нее.

– Расстаться? – «Мы уже это сделали!»

– Мне просто кажется, что мы с тобой движемся в разные стороны.

– Ну хорошо, – ответил я.

Она прижала палец к моим губам, давая понять, чтобы я молчал – хотя я и не собирался больше ничего говорить.

– Не надо относиться к этому так эмоционально. Мне жаль, Логан, но у нас с тобой ничего не получится.

Я мысленно ухмыльнулся над ее попыткой показать, будто расставание было ее идеей. Я сделал шаг назад и закинул руки за голову.

– Ты права. Ты слишком хороша для меня.

«Почему ты все еще здесь?»

Она подалась ко мне и провела кончиком пальца по моим губам.

– Ты еще встретишь какую-нибудь хорошую девушку, я знаю. Я имею в виду, может, она и будет похожа на обезьяну, но все равно... – Она рысцой метнулась к своей машине, открыла дверцу и забралась внутрь. Едва машина отъехала, внутри у меня все сжалось, меня охватило сожаление. Я помчался за ее машиной сквозь проливной дождь, выкрикивая имя Шэй.

– Шэй! Шэй! – Размахивая руками впотьмах, я пробежал по меньшей мере пять кварталов, прежде чем машина остановилась на светофоре. Я постучал в окошко со стороны водителя, и Шэй в испуге вскрикнула.

– Логан! Какого черта ты делаешь? – закричала она на меня, опустив стекло. Замешательство на ее лице сменилось гордой усмешкой, она сощурила глаза. – Ты хочешь, чтобы я к тебе вернулась, да? Я знала, что так будет.

– Я... – пропыхтел я. Я совершенно не занимался спортом, это было скорее к моему брату. Я попытался перевести дыхание, цепляясь за край окошка. – Я... я хочу...

– Чего ты хочешь? Чего, малыш? Чего ты вдруг так захотел? – спросила она, нежно глядя меня ладонью по щеке.

– Пирог.

Она в недоумении отдернула руку.

– Что?

– Пирог. Ингредиенты для пирога, которые мы купили. Они все еще лежат у тебя в машине.

– Ты надо мной издеваешься? – взвизгнула Шэй. – Ты гнался за мной несколько кварталов ради продуктов для пирога?!

Я выгнул бровь.

– Ну да, а что?

Она протянула руку на заднее сиденье, схватила пакет и швырнула им в меня.

– Ты просто невыносим! Вот твои дурацкие продукты!

Я ухмыльнулся.

– Спасибо.

Шэй резко рванула машину с места, и я не смог сдержать смех, услышав ее крик:

– Ты должен мне двадцать баксов за этот козий сыр!

Едва переступив порог квартиры, я достал свой мобильник и набрал сообщение:

Я: В следующий раз я буду расставаться с девушкой через мессенджер.

Алисса: Так плохо?

Я: Кошмарно.

Алисса: Мне жаль ее. Ты ей очень нравился.

Я: Она изменяла мне!

Алисса: И все же ты нашел способ три раза переспать с ней.

Я: На чьей ты стороне?

Кружочки.

Алисса: Она просто чудовище! Я рада, что она исчезла из твоей жизни. Никто не заслуживает того, чтобы встречаться с такой чокнутой личностью. Она отвратительна. Надеюсь, она до конца жизни будет случайно наступать на детали «Лего».

Это был тот ответ, который был мне так нужен.

Алисса: Люблю тебя, мой лучший друг.

Я прочел ее слова и постарался не обращать внимания на то, как екнуло в груди. «Люблю тебя». Я никогда никому не говорил такого, даже маме или Келлану. Но иногда, когда Алисса Мари Уолтерс говорила, что любит меня, я жалел, что не могу сказать то же самое в ответ.

Но я никого не любил. Я едва-едва испытывал симпатию.

По крайней мере, такова была ложь, которую я твердил себе каждый день, чтобы не чувствовать боли. Большинство людей считают, что любовь – это ценный приз, но я знал, что это не так. Я видел, что моя мать вот уже много лет любит моего отца, и ничего хорошего из этого не вышло. Любовь была не благословением, она была проклятием, и если ты впускал ее в сердце, она оставляла там лишь ожоги.

Глава 2

Алисса

Я: Привет, пап. Хочу проверить, не забыл ли ты про фортепьянный концерт.

Я: Эй, ты видел мое прошлое сообщение?

Я: Привет, это снова я. Пишу узнать, все ли в порядке. Мы с Эрикой волнуемся.

Я: Папа?

Я:???

Я: Ты еще не спишь, Ло?

Я посмотрела на экран своего телефона и с отчаянно колотящимся сердцем отправила сообщение Логану. Потом проверила время и тяжело вздохнула.

2:33 ночи.

Мне следовало бы сейчас спать, но я снова думала об отце. За последние два дня я отправила ему суммарно пятнадцать текстовых сообщений и десять голосовых, но ответа от него так и не было.

Я положила телефон на грудь, глубоко вдыхая воздух и медленно выдыхая. Когда мобильник завибрировал, я ответила практически сразу.

– Тебе сейчас положено спать, – прошептала я в трубку, втайне радуясь тому, что он ответил. – Почему ты не спишь?

– Что случилось? – спросил Логан, игнорируя мой вопрос.

С моих губ сорвался слабый смешок.

– С чего ты взял, будто что-то не так?

– Алисса, – суровым тоном произнес он.

– Задница не перезвонил мне. Я звонила ему раз двадцать на этой неделе, но он не ответил. – «Задницей» мы прозвали моего отца после того, как он ушел из нашей семьи. Мы с ним очень дружили, будучи единственными музыкантами в семье. И когда он ушел, часть моей души испарилась вместе с ним. Я почти не говорила о нем, но, несмотря на мое молчание, Логан всегда знал, что именно меня тревожит.

– Забудь о нем. Это не человек, это ведро помоев.

– Скоро будет самый важный летний фортепьянный концерт в моей карьере, и я не знаю, справлюсь ли я, если его там не будет. – Я изо всех сил старалась сдерживать эмоции. Я изо всех сил старалась не плакать, но в ту ночь я проиграла это сражение. Я беспокоилась об отце сильнее, чем мама или Эрика. Может быть, потому, что они никогда не понимали его по-настоящему – как музыканта, как исполнителя. У них обеих был весьма практичный и стабильный склад ума, в то время как мы с папой скорее напоминали вольных духов, пляшущих среди языков пламени.

Но в последнее время он мне не звонил. И я ужасно беспокоилась из-за этого.

– Алисса... – начал Логан.

– Ло, – прошептала я слегка дрожащим голосом. Он слышал мои всхлипы в трубке, и я постаралась собраться. – Когда я была маленькой, я жутко боялась грозы. Я прибегала в спальню родителей и умоляла, чтобы они позволили мне лечь спать с ними. Мама никогда не разрешала мне, она говорила, что я должна понять – гроза не причинит мне вреда. Задница всегда соглашался с ней. Поэтому я возвращалась в свою комнату, забивалась под одеяло и слушала гром, изо всех сил стараясь не видеть молний. Через минуту дверь моей комнаты открывалась, и он входил с синтезатором в руках, садился рядом с моей кроватью и играл для

меня, пока я не засыпала. Обычно со мной все в порядке, я сильная, но сегодня опять гроза, а на мои звонки он не отвечает... Я почти сломалась.

– Не позволяй ему сломать тебя, Алисса. Не позволяй ему выиграть.

– Мне просто... – Я снова заплакала в трубку, не в силах больше выдерживать это. – Мне просто горько, вот и все.

– Я сейчас приеду.

– Что? Нет, уже поздно.

– Я приеду.

– После двух часов автобусы уже не ходят, Логан. К тому же моя мать заперла ворота дома. Ты все равно сюда не попадешь. Все в порядке.

Моя мать была востребованным юристом, у нее были деньги – много денег. Мы жили в хорошем районе, в доме с большим участком, обнесенном высокой оградой. После того как мама запирали ворота на ночь, попасть в дом было практически невозможно.

– Со мной все будет в порядке, – пообещала я. – Мне просто нужно было услышать твой голос, и чтобы ты напомнил мне, что без него мне только лучше.

– Потому что это так и есть, – сказал Логан.

– Да.

– Да, Алисса, это правда. Потому что ты лучше, чем этот Задница.

Мои всхлипы стали громче, и я зажала себе рот ладонью, чтобы он не услышал, как сильно я плачу. Мое тело содрогалось от рыданий, я совсем расклеилась, слезы текли на подушку, а мысли несли только неотвязную тревогу.

Что, если с отцом что-то случилось? Что, если он снова напился? Что, если...

– Я приеду.

– Нет.

– Алисса, пожалуйста. – Голос Логана звучал почти умоляюще.

– Ты накурился? – спросила я.

Он колебался, и для меня это само по себе было ответом. Я всегда могла сказать, когда он навеселе, в основном потому, что он почти всегда был под кайфом. Он знал, что это тревожит меня, но всегда говорил, что он, как хомяк в колесе, не в состоянии поменять свои привычки.

Мы во многом были ужасно разными. У меня было не так-то много занятий: в основном я ходила на работу, играла на фортепьяно и общалась с Логаном. У него было куда больше опыта во всяких вещах, чем я даже могла вообразить. Он пробовал наркотики, неизвестные мне даже по названию. Он одурманивал себя ими почти каждую неделю, в основном после случайных встреч со своим отцом или с матерью, но каким-то образом всегда находил способ вынырнуть из этого дурмана. Ко мне.

Я изо всех сил притворялась, что это меня не тревожит, – но иногда это меня ужасно беспокоило.

– Доброй ночи, лучший друг, – тихо произнесла я.

– Доброй ночи, лучший друг, – со вздохом отозвался он.

* * *

Руки его были заложены за спину, он промок с головы до ног. Волосы, обычно вившиеся непокорными каштановыми волнами, прилипли к голове и сосульками свесились на глаза. Он был одет в свою любимую красную толстовку, а черные джинсы были изорваны сильнее, чем полагалось даже по нынешней моде. Губы были растянуты в дурацкой ухмылке.

– Логан, сейчас полчетвертого утра, – пошептала я, надеясь не разбудить маму.

– Ты плакала, – сказал он, стоя в дверях. – И гроза не утихает.

– Ты пришел сюда пешком? – спросила я. Он фыркнул:

– Тут не так уж далеко.

– И перелез через ворота?

Он слегка повернулся, показывая свежий разрыв на джинсах.

– И перелез через ворота, но зато... – Он извлек руки из-за спины, предъявив форму для выпечки, завернутую в фольгу. – Я испек тебе пирог.

– Ты испек пирог?

– Вечером я смотрел документальный фильм про пироги. Ты знаешь, что пироги известны со времен Древнего Египта? А первая запись о пирогах относится ко временам Древнего Рима, древние римляне пекли ржаные пироги...

– С козьим сыром и медом? – прервала я.

Его лицо потрясенно вытянулось.

– Откуда ты знаешь?

– Ты сказал мне вчера.

– А, верно. – Вид у него сделался слегка обескураженным. Я засмеялась.

– Ты под кайфом.

Он шмыгнул носом и кивнул.

– Да, под кайфом.

Я кивнула.

– От твоего дома до моего сорок пять минут пешком, Логан. Тебе не следовало идти так далеко. И ты дрожишь. Заходи в дом. – Я ухватила его за мокрый рукав толстовки, с которого капала вода, и поволокла по коридору к ванной комнате, примыкавшей к моей спальне. Закрыв за собой дверь, я усадила его на опущенную крышку унитаза. – Снимай толстовку и футболку, – приказала я. Он озорно ухмыльнулся.

– Может, сперва предложишь мне выпить?

– Логан Фрэнсис Сильверстоун, – простонала я. – Не будь придурком.

– Алисса Мари Уолтерс, я всегда придурок. Именно поэтому я тебе и нравлюсь.

Он был прав.

Ставив с себя толстовку и футболку, он бросил их в ванну. Мой взгляд скользнул по его груди, и я, изо всех сил стараясь не обращать внимания на трепет в животе, обернула торс Логана тремя полотенцами.

– О чем ты думал, черт тебя побери?

Он подался ближе ко мне, глядя прямо на меня своими мягкими карамельно-карими глазами.

– Ты в порядке?

– В полном. – Я провела пальцами по его волосам, непривычно холодным и мягким. Он следил за каждым моим движением. Я взяла маленькое полотенце, опустила на колени перед Логаном и стала вытирать его волосы. – Тебе следовало оставаться дома.

– У тебя глаза красные.

Я слегка усмехнулась.

– У тебя тоже. – Снаружи донесся раскат грома, и я вздрогнула всем телом. Логан успокаивающе положил ладонь мне на руку, и я тихонько икнула. Я смотрела на его пальцы, касающиеся моего локтя. Его взгляд был направлен туда же. – Ну что, давай есть пирог?

– Давай есть пирог.

Мы тихонько направились на кухню, надеясь не разбудить мою маму, но я была почти уверена, что она не проснется, учитывая, сколько таблеток снотворного она принимала каждый вечер. Логан, подпрыгнув, уселся на кухонную стойку – без рубашки, в промокших джинсах, сжимая в ладонях форму с пирогом.

– Тарелки? – спросила я.

– Просто вилку, – ответил он.

Взяв вилку, я запрыгнула на стойку рядом с ним. Приняв из моих рук вилку, он поддел большой кусок пирога и протянул мне. Я храбро откусила кусок и зажмурилась, почувствовав, что влюбляюсь.

«Боже!»

Логан оказался отличным поваром. Я сомневалась, что на свете существует много людей, способных правильно испечь пирог с козьим сыром и медом, но Логан не просто испек – он вдохнул в это изделие жизнь. Пирог был нежным, свежим и невероятно вкусным. Не размыкая век, я открыла рот, ожидая очередного куска, и Логан послушно положил этот кусочек мне на язык.

– М-м-м, – протянула я.

– Ты стонешь из-за моего пирога?

– Я определенно стенаю из-за твоего пирога.

– Открой рот. Я хочу снова услышать это.

Я подняла брови.

– Ты снова ведешь себя как придурок.

Он улыбнулся. Мне нравилась эта улыбка. Он почти все время был хмурым, и когда он улыбался, я наслаждалась этими мгновениями. Подцепив кусок пирога, Логан поднес его к моим губам и начал подражать гудению самолета, двигая вилкой так, словно она летела по воздуху. Я изо всех сил старалась сдерживать смех, однако не преуспела. Потом я открыла рот, и «самолет» приземлился мне на язык.

– М-м-м, – простонала я.

– Ты хорошо умеешь стонать.

– Если бы мне платили доллар всякий раз, когда я это слышу... – поддразнила я его.

– То у тебя было бы ноль долларов и ноль центов, – усмехнулся он в ответ.

– Дурак.

– Чтоб ты знала: если какой-нибудь парень, кроме меня, *и то в шутку*, скажет, что ты хорошо стонешь, я его убью.

Он всегда заявлял, что убьет любого парня, который посмотрит в мою сторону, и в изрядной степени именно поэтому у меня никогда и ни с кем не складывались отношения – все до смерти боялись Логана Фрэнсиса Сильверстоуна. Но я не понимала этого страха. По мне, Логан был просто большим плюшевым мишкой.

– Это самое лучшее, что я ела за весь день. Так вкусно, что мне хочется облизать вилку.

– Так вкусно? – усмехнулся он с необычайно гордым выражением на лице.

– Так вкусно, – подтвердила я. – Тебе действительно стоило бы подумать о том, чтобы пойти в кулинарную школу, как мы уже говорили. У тебя отлично получилось бы.

Он фыркнул и слегка нахмурился.

– Колледж – это не для меня.

– А могло бы быть для тебя.

– Хватит об этом, – сказал он, морща нос. Я не стала настаивать, зная, что эта тема для него болезненна. Он считал, будто недостаточно умен для того, чтобы учиться в какой-либо школе, но это была неправда. Логан был одним из самых умных людей среди всех, кого я знала. Если бы только он видел себя так, как видела его я, его жизнь навсегда изменилась бы.

Выхватив у него вилку, я сунула в рот изрядный кусок пирога и застонала вслух, пытаюсь внести легкость в наш разговор. Логан снова улыбнулся. «Хорошо».

– Нет, правда, я ужасно рада, что ты принес этот пирог, Ло. Я за весь день почти ничего не съела. Мама сказала, что мне нужно сбросить двадцать фунтов, прежде чем идти в колледж осенью, потому что иначе мне грозит опасность набрать за первый курс лишних тридцать фунтов.

– Мне казалось, что в поговорке сказано: «Первокурсник набирает за год пятнадцать фунтов».

– Мама говорит, что поскольку у меня и так лишний вес, то я и наберу больше, чем средний студент. Ну ты знаешь, как она меня любит.

Он выразительно закатил глаза:

– Какая добрая женщина.

– Мне не полагается есть после восьми часов вечера.

– К счастью, уже пятый час утра, так что наступил новый день! И до восьми мы должны съесть этот пирог!

Я захихикала, быстро зажав ему рот обеими руками, чтобы он стал потише. Я почувствовала, как его губы легонько касаются моих ладоней, и мое сердце стало биться быстрее. Я медленно отвела руки, чувствуя, как в животе опять трепещут бабочки, и откашлялась.

– Это тяжелая работа, но кто-то должен ее сделать.

Мы сделали эту работу: съели весь пирог. Когда я хотела отойти, чтобы помыть вилку в раковине, Логан схватил меня за руку.

– Нет, мы не должны ее мыть. Нам следует ее облизать, не забыла?

От его прикосновения к моей ладони мое сердце снова дрогнуло. Наши глаза встретились, и он придвинулся ближе.

– И просто чтоб ты знала – ты хороша такая, какая есть, Али. К черту мнение твоей мамы. Я считаю, что ты красивая. Не той поверхностной красотой, которая выцветает со временем, а во всех возможных смыслах. Ты просто невероятно красивый человек, так что к черту все, что думают другие. Ты же знаешь, как я отношусь к людям.

Я кивнула – его девиз я знала наизусть.

– «Нахрен людей, заведи домашнее животное».

– Это верно, – ухмыльнулся он, выпуская мою ладонь. Я почувствовала тоску по его прикосновению еще до того, как оно исчезло. Логан начал зевать, и это отвлекло меня от неровного биения моего собственного сердца.

– Устал? – спросила я.

– Неплохо бы поспать.

– Тебе придется уйти до того, как проснется моя мама.

– Ну я всегда так и делаю, верно?

Мы отправились в мою спальню. Я выдала ему спортивные штаны и футболку, которую позаимствовала у него неделю назад. Когда он переоделся, мы забрались в мою постель и улеглись бок о бок. Я никогда не спала в одной постели с парнем, не считая Логана. Иногда во время таких ночевок я просыпалась и понимала, что моя голова лежит у него на груди, и прежде чем отстраниться, я слушала его сердцебиение. Он всегда шумно дышал, вдыхая и выдыхая воздух через рот. В первый раз, когда он остался у меня, я не сомкнула глаз. Но со временем его шумное дыхание стало напоминать мне о доме. Как оказалось, дом не был неким местом; дом был ощущением, исходящим от тех, кто был тебе дороже всего, ощущением покоя, которое унимало пламя в твоей душе.

– Все еще хочешь спать? – спросила я, когда мы лежали в темноте; я почувствовала, что сейчас не засну.

– Да, но мы можем поболтать.

– Я просто подумала вот о чем... Ты никогда не рассказывал, почему так любишь документальные фильмы.

Он провел ладонью по волосам, потом закинул руки за голову и уставился в потолок.

– Однажды летом я жил у бабушки – до того, как он умер. Он показал мне документальный фильм про галактику, и из-за этого мне захотелось узнать побольше... обо всем. Я жалею, что не запомнил название того фильма, потому что я купил бы его не думая. Что-то вроде

«Черная дыра»... или «Черная звезда»... – Он нахмурился. – Не помню. Ну неважно. Мы с дедом стали смотреть вместе все больше и больше документальных фильмов, и это вошло у нас в привычку. Это было лучшее лето в моей жизни. – Он опустил взгляд, лицо его сделалось грустным. – После того как он умер, я просто сохранил эту традицию. Наверное, это чуть ли не единственная традиция, которая у меня когда-либо была.

– Ты многое знаешь о звездах?

– Очень многое. Если бы в этом городе было достаточно хорошее место, я показал бы тебе звезды без всей этой засветки, показал бы тебе созвездия. Но, увы, такого места здесь нет.

– И очень жаль. Мне бы понравилось. Но я думаю о том, что тебе следовало бы сделать документальный фильм о своей жизни.

Он засмеялся.

– Никто не захотел бы это смотреть.

Я повернула голову к нему.

– Я захотела бы.

Он улыбнулся мне уголком рта, потом обнял меня одной рукой и прижал к себе. От его тепла по моему телу всегда разбегались искорки.

– Ло? – прошептала я, наполовину бодрствуя, наполовину во сне, и втайне испытывая влюбленность в своего лучшего друга.

– Да?

Я открыла рот, чтобы ответить, но вместо слов с моих губ слетел лишь тихий вздох. Моя голова упала ему на грудь, и я стала слушать удары его сердца, считать их: «Один... два... сорок пять...»

Через несколько минут мои мысли замедлили свой бег. Через несколько минут я забыла, почему мне было так грустно. Через несколько минут я уснула.

Глава 3

Логан

В нашу с мамой квартиру не было проведено телевидение, и это было нормально, меня не особо волновало. Когда я был маленьким, мы пользовались услугами кабельного телевидения, но, похоже, оно того не стоило, и все из-за отца. Это он оплачивал счета за телевидение и всегда жаловался на то, что я сижу перед телевизором и смотрю мультики. Он словно ненавидел то, что я мог быть счастлив хотя бы несколько минут в день. Потом он как-то раз пришел домой, забрал телевизор и расторг договор с компанией-поставщиком услуг.

Именно в тот день он съехал из нашей квартиры. И еще это был один из лучших дней в моей жизни.

Спустя некоторое время я нашел телевизор на помойке. Это был маленький девятнадцатидюймовый телевизор с DVD-плеером, поэтому я взял в библиотеке стопку документальных фильмов и стал смотреть их дома. Я был человеком, который знал многое обо всем: о бейсболе, тропических птицах, Зоне 51, и все благодаря документальным фильмам. И в то же самое время я не знал абсолютно ничего.

Иногда мама смотрела фильмы вместе со мной, но по большей части это было развлечение для одного.

Мама любила меня, но я ей не особо нравился. Ну ладно, это неправда.

Трезвая Мама любила меня, как будто я был ее лучшим другом.

Мама Под Наркотиками была монстром, и в последнее время в нашем доме обитала только она.

Иногда я скучал по Трезвой Маме. Иногда, закрывая глаза, я вспоминал, как по-другому она смеялась и улыбалась, когда была счастлива.

«Прекрати, Логан».

Я ненавидел свой мозг и его манеру вспоминать. Воспоминания ранили мою душу, и у меня почти не было хороших воспоминаний, за которые я мог бы держаться.

Однако меня это не особо волновало, потому что я постоянно старался чем-нибудь занять мозги и забыть о том, какой поганой жизнью я живу. Если я запирался в комнате, обложившись дисками с документальными фильмами, и у меня было чем накуриться, я почти забывал о том, как несколько недель назад моя мать стояла на углу и пыталась продать свое тело за несколько грамм дури.

Об этом сообщил мне по телефону мой дружок Джейкоб, и я был совсем не рад этому звонку.

«Чувак, я только что видел твою маму на углу Уэллс-стрит и Джефферсон-стрит. Мне кажется, она, э-э-э... – Джейкоб помолчал. – Мне кажется, тебе надо туда прийти».

Утром во вторник я сидел в постели, глядя в потолок, в то время как фоном – вместо музыки – шел документальный фильм о китайских редкостях. И тут я услышал, как мама выкрикивает мое имя.

– Логан! Логан! Логан, иди сюда!

Я лежал неподвижно, надеясь, что она перестанет звать меня, но она не умолкала. Я сполз с матраса и вышел из комнаты. Мама сидела за обеденным столом. Наша квартира была крошечной, но у нас все равно было мало мебели. Продавленный диван, кофейный столик, грязный, весь в пятнах, и обеденный стол, возле которого стояли три разных стула.

– Что тебе нужно? – спросил я.

– Мне нужно, чтобы ты помыл окна снаружи, Логан, – сказала мама, наливая молока в треснувшую чашку и высыпая туда же пять штук хлопьев. Она сказала, что сидит на новой диете и не хочет набирать вес. Она и так-то весила не больше ста двадцати фунтов при росте в пять футов и девять дюймов, и я полагал, что она тощая, почти скелет.

Вид у нее был измотанный. Она вообще спала минувшей ночью?

В то утро волосы ее были в полном беспорядке – но не в большем, чем вся ее жизнь. Мама всегда выглядела разбитой, я не мог вспомнить, когда было иначе. По утрам в воскресенье она всегда красила ногти, и почти всегда обдирала их к вечеру воскресенья, и на всю неделю на ее ногтях оставались крошечные пятна лака – до утра следующего воскресенья, когда все повторялось сначала. Одежда ее всегда была грязной, но в четыре часа утра она сбрызгивала ее освежающим средством, а потом утюжила. Она считала, что освежитель – нормальная замена для стирки одежды в местной общественной прачечной.

Я не был согласен с такой практикой, и когда мог, то брал без спроса ее одежду, чтобы постирать. Большинство людей, вероятно, даже не замечали мелкие монеты, валяющиеся на земле, но для меня эта мелочь означала, что на этой неделе у меня будут чистые штаны.

– Обещали дождь на весь день. Я помою окна завтра, – ответил я, хотя не собирался этого делать. Она достаточно скоро забудет об этом. К тому же мыть окна в нашей квартире на третьем этаже и без балкона казалось мне несколько нелепым. Особенно в дождь.

Я открыл дверцу холодильника и уставился на пустые полки. Они были пустыми вот уже несколько дней подряд.

Я продолжал держаться за ручку холодильника, закрывая и открывая дверцу, как будто ожидал, что на полке по волшебству появится еда – в желудке у меня урчало. И тут отворилась входная дверь, и на пороге, словно настоящий волшебник, возник мой брат Келлан с полными пакетами продуктов. Свободной рукой он стряхивал капли дождя со своей куртки.

– Проголодался? – спросил он, ткнув меня в плечо. Может быть, мама питалась хлопьями с молоком потому, что у нас больше ничего не было.

Келлан был единственным человеком, которому я доверял, – помимо Алиссы. Мы выглядели почти как близнецы, разве что он был более крепким, более красивым и более стабильным. У него была классическая стрижка-ежик, дизайнерская одежда и никаких мешков под глазами. Единственные синяки, которые когда-либо возникали на его коже, появлялись от стычек во время футбольных матчей в колледже – хотя и такое бывало нечасто.

Ему повезло: у него была лучшая жизнь, просто потому, что его отец тоже был лучше моего. Его отец был хирургом. Мой отец был уличным наркоторговцем, который продавал наркотики соседским ребятам и моей матери.

Это все ДНК: кто-то проигрывает, кто-то выигрывает.

– Черт, – сказал он, заглядывая в холодильник. – Вам нужно куда больше еды, чем я купил.

– Откуда ты вообще узнал, что нам нужна жратва? – спросил я, помогая ему разгрузить пакеты.

– Я ему позвонила, – сказала мама, съедая хлопья по одному и прихлебывая молоко. – Непохоже, чтобы ты собирался нас кормить.

Мои руки сжались в кулаки, и я ударил ими себя в бока. Мои ноздри раздувались, но я старался обуздать гнев, вызванный ее замечанием. Мне было противно, что Келлану так часто приходится вмешиваться и спасать нас от нас самих. Он не заслуживал того, чтобы вообще сталкиваться с подобной жизнью.

– После вечерних занятий я куплю еще кое-что и завезу.

– Ты живешь в часе езды от нас, тебе не нужно ехать так далеко.

Он проигнорировал мои слова.

– Какие-нибудь пожелания будут?

– Еда – это уже хорошо, – пробурчал я в унисон со своим желудком. Келлан залез в свой рюкзак и достал два коричневых бумажных пакета.

– Еда.

– Ты еще и приготовил что-то для нас?

– Ну вроде как. – Он открыл пакеты и выложил все на стойку. – Я помню, когда ты некоторое время жил у нас, мы смотрели то кулинарное шоу, где участнику просто дают случайный набор продуктов, и он должен приготовить обед. Алисса сказала мне, что ты подумываешь стать поваром.

– Алисса слишком много болтает.

– Она от тебя без ума.

Я не стал с этим спорить.

– Ну вот, – ухмыльнулся он, бросая мне картофелину, – у меня есть еще немного времени до работы. Сооруди что-нибудь, шеф-повар!

И я соорудил. Мы с ним сидели и ели сэндвичи с ветчиной и тремя видами сыра, с чесночным соусом «айоли». Помимо этого, я испек домашние картофельные оладьи с пряным кетчупом со вкусом бекона.

– Ну как? – спросил я, не сводя взгляда с Келлана. – Нравится?

Не думая, я положил половину сэндвича перед мамой, но она покачала головой.

– Диета, – пробормотала она, доедая последний кусочек хлопьев.

– Черт побери, Логан, – выдохнул Келлан, каким-то образом пропустив мимо ушей мамины слова. Мне так никогда не удавалось. – Это потрясающе.

Я усмехнулся с капелькой гордости.

– Правда?

– Ты же видел, я чуть не подавился этим сэндвичем насмерть, настолько он вкусный.

Если я и поверю в существование рая, то только благодаря этому сэндвичу.

Моя улыбка стала шире.

– Правда?! Я, можно сказать, превзошел себя.

– Просто офигенно.

Я пожал плечами с самодовольной улыбкой на лице.

– Я просто гений.

Я не знал, как мне благодарить Келлана – так радостно мне не было уже давно. Может быть, когда-нибудь я смогу пойти в колледж... Может быть, Алисса была права.

– Но мне надо идти. Ты уверен, что тебя не надо куда-нибудь подвезти? – спросил Келлан.

Я хотел обратиться куда-нибудь из квартиры – это было точно. Но я не был уверен, что к нам не заскочит мой папаша – а я не хотел, чтобы он оставался наедине с мамой. После того, как он оставался с ней наедине, на ее коже было куда больше кровоподтеков, чем до этого.

Надо быть каким-то злобным демоном, чтобы вообще поднимать руку на женщину.

– Нет, все в порядке. Мне все равно сегодня идти работать на заправку.

– Но ведь дотуда час идти пешком, верно?

– Нет, всего сорок пять минут. Все нормально.

– Хочешь, я оплачу тебе билет на автобус?

– Я могу дойти пешком.

Он залез в свой бумажник и выложил на стол деньги.

– Послушай, – прошептал брат, наклонившись ближе ко мне. – Если хочешь, можешь ночевать в доме моего отца, оттуда ближе до твоей работы...

– Твой отец меня ненавидит, – прервал я его.

– Вовсе нет.

Я бросил на него взгляд, в котором читалось: «Ты меня разыгрываешь».

– Ну ладно, может быть, он и не питает к тебе любви, но, скажем честно, ты же стащил триста долларов из его кошелька.

– Мне надо было платить за жилье.

– Да, Логан, но твоя первая мысль не должна быть о том, чтобы украсть эти деньги.

– А какая она должна быть? – спросил я, чувствуя нарастающее раздражение, в основном потому, что знал: он прав.

– Не знаю. Может быть, попросить помощи?

– Мне не нужна ничья помощь. Не была нужна и не будет нужна. – Моя гордость всегда была невероятно резкой и жесткой. Я понимал, почему ее называют главным смертным грехом.

Келлан нахмурился, зная, что мне нужно куда-нибудь выбраться. Если находиться в этой квартире слишком долго, можно было сойти с ума.

– Ну, ладно. – Он подошел к маме и коснулся губами ее лба. – Люблю тебя, мама.

Она попробовала улыбнуться.

– Пока, Келлан.

Он остановился за моей спиной, положил руки мне на плечи и тихо произнес:

– Она еще худее, чем в прошлый раз, когда я видел ее.

– Да.

– Это меня пугает.

– Да, меня тоже. – Я видел, что тревога тяжким грузом лежит у него на душе. – Но не волнуйся, я заставлю ее что-нибудь съесть.

Его тревога не утихла.

– Ты тоже, похоже, отощал.

– Это из-за моего быстрого метаболизма, – пошутил я. Он не засмеялся. Я похлопал его по спине. – Серьезно, Кел, я в порядке. И я попытаюсь заставить ее поесть. Обещаю попробовать, ладно?

Он испустил тяжкий вздох.

– Ладно, до свидания. Если не вернешься с работы к тому времени, как я заеду вечером, то увидимся на следующей неделе. – Келлан помахал рукой на прощание, но прежде чем он вышел из квартиры, я окликнул его.

– Да? – спросил он. Я пожал левым плечом, он пожал правым.

Так мы всегда говорили друг другу «я тебя люблю». Он значил для меня очень многое. Человеком, которым я когда-нибудь мечтал стать. И все же мы были мужчинами. А мужчины не говорят «я люблю тебя». Если честно, я вообще никому не говорил этих слов.

Откашлявшись, я кивнул.

– Еще раз спасибо. За... – Я опять пожал левым плечом. – За все.

Он ласково улыбнулся мне и поднял правое плечо.

– Всегда пожалуйста. – С этими словами он ушел.

Мой взгляд упал на маму, которая разговаривала со своей миской молока. Ну, конечно.

– Келлан – идеальный сын, – пробормотала она молоку, прежде чем повернуть голову в мою сторону. – Он намного лучше тебя.

«Где Трезвая Мама?»

– Да, – сказал я, вставая и вместе со своей порцией еды направляясь в свою комнату. – Ладно, мам.

– Это правда. Он красивый, умный и заботится обо мне. А ты ни черта не делаешь.

– Ты права. Я не делаю для тебя ни черта, – пробормотал я, направляясь прочь и не желая в это утро иметь дело с ее сдвинутым разумом.

Я вздрогнул, когда мимо моего уха просвистела миска и разбилась о стену передо мной. Меня обдало осколками и брызгами молока. Я повернул голову к маме – она злобно улыбалась мне.

– Мне нужно, чтобы окна были вымыты сегодня, Логан. Немедленно. У меня сегодня свидание, а это место просто отвратительно! – рявкнула она. – И приberi этот кавардак!

Моя кровь начала закипать, потому что весь кавардак она всегда устраивала сама. Как кто-то может так далеко зайти в жизни? А если уже зашел, то есть ли у него шанс вернуться назад? «Я так скучаю по тебе, мама...»

– Я не буду это прибираться.

– Нет, будешь.

– С кем ты собираешься на свидание, мама?

Она выпрямилась, словно принцесса или королева.

– Не твое дело.

– Правда? Помнится мне, что последним мужчиной, с которым ты ходила на свидание, был какой-то скот, который снял тебя на углу. А до того это был мой драчливый папаша, и ты вернулась с двумя сломанными ребрами.

– Не смей так говорить о нем! Он добр к нам. Как ты думаешь, кто в основном платит за нашу квартиру? Уж точно не ты.

Только что выпустившийся из школы парень почти восемнадцати лет от роду, который не может платить за квартиру, – я был полным неудачником.

– Я плачу половину, и это больше, чем ты можешь себе представить – а он просто кусок дерьма.

Она хлопнула ладонями по столу, разозленная моими словами. Ее тело слегка дрожало, движения становились все более нервными.

– Он мужчина куда больше, чем ты когда-либо сможешь стать!

– Вот как? – спросил я, подлетая к ней и начиная рыться в ее карманах, точно зная, что именно я найду. – Больше мужчина, чем я? И почему же? – спросил я, доставая из ее заднего кармана пакетик с дурью. Я покачал им перед ее лицом и увидел, как на этом лице проступает паника.

– Перестань! – крикнула она, пытаясь выхватить пакетик у меня.

– Нет, я уже все понял. Он дает тебе эту дрянь, и это делает его лучшим мужчиной, чем я когда-либо смогу стать. Он бьет тебя, потому что он лучший мужчина. Он плюет тебе в лицо, потому что он лучший мужчина, чем я. Верно?

Она начала плакать – не из-за моих слов, потому что я был уверен, что чаще всего она их просто не слышит. Она плакала от страха, что ее милому пакету с дурью грозит опасность.

– Просто отдай это мне, Ло! Прекрати!

Ее взгляд был пуст, мне почти казалось, что я сражаюсь с призраком. Я с тяжелым вздохом бросил пакетик на стол.

– Ты в ауте. Ты в полном дерьме, и тебе никогда не станет лучше, – проговорил я, когда она сосредоточилась на наркоте.

– Говорит парень, который, скорее всего, уйдет сейчас в свою комнату, закроет дверь и будет покуривать дурь, которую дал ему его папочка. Он большой и крутой волчара, но маленький мальчик в красном капюшончике постоянно зовет его обратно, чтобы уладить свои делишки. Ты считаешь, будто чем-то лучше меня или него?

– Лучше, – сказал я. Я уже привык, хотя и не до конца. Я контролировал себя. Я не бесился.

Я был лучше, чем мои родители. Должен был быть лучше.

– Ты не лучше. Ты унаследовал худшее от нас обоих, особенно внутренне. Келлан хороший, у него всегда все будет хорошо. Но ты? – Она высыпала еще немного дури на стол. – К двадцати пяти годам ты скопытишься, и я этому не удивлюсь.

Мое сердце.

Оно прекратило биться.

Шок сотряс меня, когда эти слова слетели с губ матери. Но она даже не моргнула, прознося их, и я ощутил, как часть меня умерла. Я хотел сделать совершенно противоположное тому, что она говорила обо мне. Я хотел быть сильным, уверенным, достойным существования. Но я по-прежнему был хомяком в колесе.

Бегать по кругу, по кругу и совершенно никуда не прибежать.

Я ушел в свою комнату, захлопнул за собой дверь и погрузился в мир собственных демонов. Я гадал, что случилось бы, если бы я так и не сказал «привет» своему отцу столько лет назад. Я гадал, что случилось бы, если бы наши пути не пересеклись.

Логан, семь лет

Я встретил своего отца на чужом крыльце. В тот вечер мама привела меня к какому-то дому и сказала мне подождать снаружи. Она сказала, что скоро придет и отведет меня домой, но я уже догадывался, что она будет веселиться со своими друзьями дольше, чем ей кажется.

Крыльцо было грязным, а моя красная толстовка не очень хорошо защищала от зимнего холода, но я не жаловался. Мама всегда терпеть не могла мои жалобы: она сказала, что я выставляю себя слабаком.

На крыльце стояла сломанная металлическая скамейка, я уселся на нее и спустя некоторое время подтянул колени к груди. С перил крыльца облетали хлопья серой краски и деревянные щепки – а с неба непрерывно сыпалась снежная крупа.

«Мам, возвращайся».

В тот вечер было ужасно холодно. Я видел пар от своего дыхания и, чтобы развлечься, стал с силой выдыхать изо рта теплый воздух.

Люди весь вечер входили в дом и выходили из дома, но едва замечали меня, сидящего на скамейке. Я залез в свой задний карман, достал маленькую стопку бумаги и ручку, которую всегда носил с собой, и начал калякать. Когда мамы не было рядом, я всегда развлекался рисованием.

В тот вечер я долго рисовал, а потом начал зевать. В конце концов я уснул, натянув на согнутые ноги свою красную толстовку и улегшись на скамью. Во сне мне не было так холодно, и это было приятно.

– Эй! – произнес грубый голос, заставив меня проснуться. Едва мои глаза приоткрылись, я вспомнил о холоде. Мое тело начало дрожать, но я остался лежать. – Эй, пацан! Какого хрена ты тут делаешь? – спросил тот же голос. – Вставай.

Я сел и потер глаза, зевая во весь рот.

– Моя мама там, внутри. Я просто жду.

Мой взгляд сосредоточился на человеке, заговорившем со мной, и мои глаза широко распахнулись от тревоги. Вид у него был злой, по левой стороне лица тянулся длинный шрам. У него были непричесанные волосы, черные с проседью, а глаза чем-то напоминали мои, такие же карие и скучные.

– Да? И давно ты ждешь? – прошепел он. В губах его была зажата сигарета.

Я перевел взгляд на темное небо. Когда мы с мамой пришли сюда, было еще светло. Я ничего не ответил этому человеку. Он что-то промышлял и сел рядом со мной. Я отодвинулся к краю скамьи, так далеко от него, как только мог.

– Спокуха, пацан. Никто тебе ничего плохого не сделает. Твоя мамаша торчит, что ли? – спросил он. Я не знал, что это значит, поэтому просто пожал плечами. Он фыркнул. – Если она в этом доме, значит, торчит. Как ее зовут?

– Джулия, – прошептал я.

– Джулия, а дальше как?

– Джулия Сильверстоун.

Он слегка приоткрыл рот и наклонил голову набок, глядя на меня.

– Твоя мама – Джулия Сильверстоун?

Я кивнул.

– И она оставила тебя здесь?

Я снова кивнул.

– Вот сучка, – пробормотал он, вставая со скамьи и сжимая пальцы в кулаки. Он шагнул ко входной двери, открыл ее и остановился. Достав изо рта сигарету, он протянул ее мне.

– Куришь? – спросил он.

Это вовсе не была сигарета. Я должен был понять это по запаху.

– Нет.

Он сдвинул брови.

– Ты сказал – Джулия Сильверстоун, верно? – Я кивнул в третий раз, и он сунул самокрутку прямо мне в руку. – Значит, кури. Так тебе будет теплее. Я приведу твою сучку-мать.

– Она не... – дверь захлопнулась прежде, чем он успел услышать мою фразу до конца, – ...сучка.

Я держал самокрутку между пальцами и дрожал от холода.

«Так тебе будет теплее».

Я совсем замерз, поэтому втянул дым и захлебнулся кашлем.

Я кашлял долго и сильно, затаптывая брошенный на землю бычок. Я не понимал, почему люди это делают – почему они вообще курят. В тот момент я поклялся, что никогда больше не буду курить.

Мужчина вышел из дома, таща за собой мою мать. Она едва стояла на ногах и была вся потная.

– Хватит тащить меня, Рикки! – закричала она на него.

– Заткнись, Джулия. Ты бросила своего мальчишку здесь на весь вечер, безмозглая дура.

Я сжал кулаки и выпятил грудь. Как он смеет так говорить с моей мамой! Он совсем не знает ее. Она была моим лучшим другом, не считая моего брата Келлана. А этот тип не имеет права так говорить с моей мамой. Если бы Келлан услышал этого придурка, он ужасно разозлился бы. Хорошо, что его здесь нет, он со своим отцом уехал куда-то на подледную рыбалку.

Я не знал, что можно ловить рыбу, когда вода покрыта льдом, но Келлан на прошлой неделе рассказал мне все об этом. Мама сказала, что подледный лов – это для придурков и неудачников.

– Я говорила тебе, Рикки! Я больше не употребляю. Ч-честное слово, – выдавила она. – Я просто заехала сюда повидаться с Бекки.

– Врешь, – ответил он, таща ее вниз по ступеням крыльца. – Идем, пацан.

– Куда мы идем, мам? – спросил я, следуя за матерью и гадая, что будет дальше.

– Я отвезу вас обоих домой, – ответил мужчина. Он затолкал маму на пассажирское сиденье своей машины, и мама закрыла глаза и обмякла. Потом он открыл мне заднюю дверцу, и когда я забрался внутрь, захлопнул ее за мной. – Где ты живешь? – спросил он, усаживаясь на водительское место, включая мотор и вырывая на дорогу.

Его машина была блестящей и красивой, красивее, чем любая машина, виденная мною до этого. Мы с мамой везде ездили на автобусе, так что, сидя в этой машине, я чувствовал себя просто принцем.

Мама начала хрипеть и кашлять, потом изо всех сил постаралась прочистить горло.

– Ты не понимаешь, мне нужно было увидеться с Бекки! Мой хозяин – просто урод, он сказал, что я не заплатила за последние два месяца. Но я заплатила, Рикки! Я заплатила

этой сволочи, а он вот как со мной обходится! Поэтому я поехала к Бекки, чтобы занять у нее денег.

– С каких это пор у Бекки появились деньги? – спросил он.

– Не появились. Я так и думала, что у нее нет денег. Но я должна была убедиться. Потому что хозяин сказал, что если у меня не будет денег, я могу не возвращаться. Поэтому я не знаю, куда нам идти. Дай мне хотя бы ненадолго забежать к Бекки, спросить, – забормотала она, открывая дверцу, хотя машина продолжала ехать.

– Мама!

– Джулия!

Мы с Рикки выкрикнули это одновременно. Я потянулся с заднего сиденья, чтобы удержать ее за плечо, он схватил ее за рукав рубашки, рванул на себя и захлопнул дверцу.

– Ты с ума сошла? – прорычал он, раздувая ноздри. – Черт бы тебя побрал, завтра я оплачу твой счет, но сегодня вы останетесь у меня на ночь.

– Ты это сделаешь, Рикки? Боже, мы так тебе благодарны, правда, Ло? Я верну тебе эти деньги, все до единого цента.

Я кивнул, чувствуя, что наконец-то начал согреваться.

«Тепло».

– Я куплю пацану что-нибудь поесть. Сомневаюсь, что ты его кормишь.

Он залез в карман и достал пачку сигарет и зажигалку в виде фигурки индийской танцовщицы. Когда он щелкнул зажигалкой, танцовщица закачала бедрами. Я был загипнотизирован этим движением, не в силах оторвать взгляд. Даже когда Рикки зажег свою сигарету, он продолжил безостановочно щелкать зажигалкой.

Когда мы приехали в квартиру Рикки, я был потрясен тем, сколько у него вещей. Два дивана, огромное кресло, картины, здоровенный телевизор с кабельной антенной и холодильник, забитый едой настолько, что хватило бы, чтобы накормить весь мир. После ужина Рикки уложил меня на один из диванов, и я начал уплывать в сон, слыша, как они с мамой шепчутся в коридоре неподалеку от двери.

– У него твои глаза, – пробормотала она.

– Да, знаю. – Его голос был полон злобы, но я не совсем понимал, почему. Я слышал, как приближаются его шаги, и открыл глаза, увидев, что он склонился надо мной. Сжав ладони, он сощурился. – Ты же мой сын, верно?

Я ничего не ответил. А что я должен был сказать?

Губы его скривились в злой усмешке, он раскурил сигарету и выдохнул дым мне в лицо.

– Не беспокойся, Логан. Я позабочусь о тебе и твоей маме. Обещаю.

* * *

В четыре часа утра я наконец пришел в себя; я лежал в постели и смотрел в потолок.

Я: Ты не спишь?

Я смотрел на экран телефона, ожидая появления кружочков, но они не появились. Когда телефон зазвонил, я затаил дыхание.

– Я тебя разбудил, – прошептал я в трубку.

– Немножко, – ответила Алисса. – Что случилось?

– Ничего, – солгал я. – Я в порядке.

«К двадцати пяти годам ты скопытишься».

– Твой отец или твоя мать?

Она всегда понимала такие вещи.

– Мама.

– Она была под кайфом или трезвая?

– Под кайфом.

– Ты веришь в то, что она сказала, или нет? – Я молчал и начал щелкать зажигалкой. –

Ох, Ло...

– Извини, что разбудил тебя. Я могу повесить трубку. Спи дальше.

– Я не устала. – Она зевнула. – Не обрывай звонок, пока сам не сможешь заснуть, ладно?

– Ладно?

– У тебя все в порядке, Логан Фрэнсис Сильверстоун?

– У меня все в порядке, Алисса Мари Уолтерс.

Хотя это казалось мне ложью, но ее голос почти всегда заставлял меня поверить в эту ложь.

Глава 4

Логан

До того как я два года назад познакомился с Алиссой, я никогда по-настоящему не праздновал свой день рождения. Келлан всегда отводил меня куда-нибудь поужинать, и мне это нравилось. У него отлично получалось напомнить мне, что я не один в мире, но Алисса каждый год на мой день рождения делала что-то еще более важное. Два года назад мы отправились в Чикаго, чтобы посмотреть редкий документальный фильм о Чарли Чаплине, который показывали в старом кинотеатре. Потом она отвела меня в хороший ресторан, где я чувствовал себя одетым слишком бедно. Алисса происходила из среды, где роскошный ужин был нормой, я происходил из мира, где и просто поужинать-то не всегда удавалось. Когда она заметила, как мне неудобно, мы отправились бродить по улицам Чикаго и поесть хот-доги, стоя под скульптурой в виде огромной фасолины.

Это был первый лучший день в моей жизни.

Год назад мы побывали на кинофестивале в северном Висконсине, и Алисса арендовала домик, чтобы мы могли там жить. Все выходные мы смотрели фильмы и потом засиживались допоздна, обсуждая те кадры, которые больше всего вдохновили нас – и которые, вероятно, были сняты людьми, употреблявшими слишком много запрещенных веществ.

Это был второй лучший день в моей жизни.

Но сегодня все было иначе. Сегодня мне исполнилось восемнадцать, уже шел двенадцатый час ночи, а Алисса мне даже не позвонила.

Я сидел в своей комнате и смотрел с диска документальный фильм о Джеки Робинсоне², слыша, как мама неуверенной походкой слоняется по квартире. Рядом с моей кроватью лежала стопка счетов, и я чувствовал, как мой желудок стягивается в тугий узел при мысли о том, что мы не сможем заплатить за жилье. Если мы не сможем внести арендную плату, отец ни за что не даст нам жить спокойно. А если я попрошу его о помощи, то расплачиваться наверняка придется маме.

Я сунул руку под матрас и достал конверт, потому пересчитал деньги, которые накопил самостоятельно. От надписи на конверте меня затошнило:

Средства на колледж.

Поганая шуточка.

Я пересчитал деньги еще раз. Пятьсот пятьдесят два доллара. Я копил их уже два года, с тех самых пор, как Алисса заставила меня поверить в то, что когда-нибудь я смогу это сделать. Я часто думал о том, как когда-нибудь накоплю достаточно, чтобы пойти учиться, сделаю хорошую карьеру и куплю дом, в котором сможем жить мы с мамой.

Нам больше никогда и ни в чем не придется рассчитывать на отца: этот дом будет нашим, и только нашим. В нем всегда будет чисто. Больше никаких невзгод, только счастье. Мама будет плакать от радости, а не потому, что отец побил ее.

Тогда вернется Трезвая Мама, та, которая укладывала меня спать, когда я был маленьким. Та, которая когда-то пела и танцевала. Та, которая когда-то улыбалась.

Я так давно уже не видел ее такой, но часть моей души цеплялась за надежду на то, что когда-нибудь она вернется. «Она должна вернуться ко мне».

² Джеки Робинсон – американский бейсболист, первый темнокожий игрок в Главной лиге бейсбола (МЛБ) в XX веке.

Я вздохнул и взял часть денег из средств на колледж, чтобы оплатить счет за электричество.

Осталось триста двадцать три доллара.

И вот так, в один момент, моя мечта отодвинулась еще дальше. Взяв карандаш, я начал заполнять счет за электричество.

Рисование и просмотр документальных фильмов были моим главным способом сбежать от реальности. А еще чудачковатая кудрявая девушка, которая улыбалась и много болтала, и занимала такое важное место в моих мыслях. Я думал об Алиссе куда чаще, чем должен был бы. И это было странно, потому что мне было плевать и на людей, и на то, что они обо мне думали.

Если ты слишком беспокоишься о людях и об их мнении, то им легче разрушить твою душу, а моя душа и так была в изрядном хаосе из-за любви к моей матери-наркоманке.

– Нет! – услышал я крик из гостиной. – Нет, Рикки, я не хотела! – кричала она.

Мой желудок стянулся в узел. Отец был здесь.

Я вскочил с кровати и метнулся в другую комнату. Отец был грубым и сильным, у него было больше седых волос, чем черных, больше мрачности, чем улыбочности, и больше ненависти, чем любви. Он всегда носил костюмы – очень дорогого вида костюмы с галстуком, – и обувь из кожи крокодила. Все в квартале знали, что при встрече с ним нужно вести себя тише воды ниже травы, потому что даже смотреть ему в глаза бывало опасно. Он был самой большой шишкой в округе, и я ненавидел его до глубины души. Все в нем казалось мне отталкивающим, но сильнее всего я ненавидел его глаза.

Когда бы я ни смотрел на него, я всегда видел частицу себя.

Мама дрожала в углу, держась за щеку, на которой проступал отпечаток ладони. Я видел, что отец собирается снова ударить ее, и заступил ему дорогу – удар пришелся мне по лицу.

– Оставь ее, – сказал я, пытаюсь вести себя так, словно мне не было больно.

– Это тебя не касается, Логан, – ответил он. – Уйди с дороги. Твоя мать должна мне денег.

– Я... я отдам их, честное слово. Мне просто нужно время. У меня на этой неделе было собеседование в продуктовом магазине на нашей улице, – солгала она. Мама уже много лет нигде не работала, но зачем-то ходила на какие-то дурацкие собеседования, которые ни к чему не приводили.

– Я думал, она уже отдала тебе долг, – сказал я. – В прошлые выходные она отдала тебе две сотни.

– А два дня назад заняла еще три сотни.

– Зачем ты вообще даешь ей деньги? Ты же знаешь, что она не сможет их вернуть.

Он схватил меня за плечо, его пальцы впились в мое тело, заставив меня вздрогнуть. Я дернулся, когда он оттащил меня в другой угол комнаты и навис надо мной.

– Ты кем себя возомнил, если смеешь так со мной разговаривать, а?

– Я просто думал...

Он дал мне увесистый подзатыльник.

– Ты ни о чем не думал. Я разговариваю с твоей матерью, так что не вмешивайся. – Он опять ударил меня, еще сильнее. Когда его кулак впечатался мне в глаз, я вскрикнул от боли. Отец снова перевел взгляд на маму, и я, как идиот, опять заступил ему дорогу. – Тебе что, жить надоело, Логан?

– Я отдам тебе эти деньги, – сказал я, пытаюсь выпрямиться во весь рост, хотя в его присутствии неизменно чувствовал себя маленьким и жалким. – Секунду.

Я бросился в свою комнату, залез под матрас и достал свои накопления. Считая банкноты, я чувствовал, как опухает подбитый глаз.

Осталось двадцать три доллара.

– Вот, держи, – сказал я, сунув деньги отцу. Он с прищуром посмотрел на меня, потом начал их пересчитывать. Он что-то бормотал себе под нос, но мне было плевать. Если он уйдет, мне этого будет достаточно.

Он сунул деньги в задний карман.

– Вы оба должны понимать, как вам повезло, что у вас есть я. Но не думайте, что я и дальше буду платить за вашу квартиру, как раньше.

«Ты нам не нужен», – хотел сказать я. «Уходи и не возвращайся», – мечтал крикнуть я. Но продолжал держать язык за зубами.

Он шагнул к маме, и я видел, как она вздрогнула, когда он погладил ее по щеке.

– Ты же знаешь, что я люблю тебя, верно, Джулия? – спросил он. Она медленно кивнула.

– Знаю.

– И я просто хочу, чтобы мы были счастливы. А ты разве не хочешь?

Она кивнула еще медленнее.

– Хочу.

Он наклонился и поцеловал ее в губы, и мне захотелось поджечь его. Я хотел видеть, как он горит и кричит от боли, потому что он использовал мою мать, унижал ее, практически плевал ей в душу.

А еще мне хотелось накричать на мать, потому что она отвечала на его поцелуи. Когда они наконец отодвинулись друг от друга, она смотрела на него, словно на бога, в то время как он был просто сатаной в дорогом костюме.

– Логан, – сказал он, направляясь к выходу из квартиры, – если тебе понадобится настоящая работа, мужская работа, то знай: я всегда могу пристроить тебя в семейный бизнес. Те жалкие гроши, которые ты получаешь, тебе ничего не дадут.

– Меня это не интересует.

Услышав мой ответ, он зловеще улыбнулся. Я всегда отвечал ему одно и то же, но он всякий раз улыбался так, словно знал какой-то секрет и таил его от меня. Когда он вышел за дверь, с моих губ сорвался тяжелый вздох.

– Что ты творишь? – закричала мама, бросаясь на меня и принимаясь колотить меня в грудь. Я в недоумении перехватил ее тонкие запястья. Она продолжала кричать: – Ты пытаешься разрушить все, что у меня есть?

– Я просто не дал ему избивать тебя!

– Ты не знаешь, о чем говоришь. Он не собирался делать мне по-настоящему больно.

– Ты говоришь ерунду. Он *делал* тебе больно.

– Отпусти меня, – прохныкала она, пытаясь разжать мои пальцы, сомкнутые на ее запястьях. Я выпустил ее, но в ту же секунду она размахнулась и ударила меня по лицу – с силой. – Не смей больше вмешиваться в мою жизнь! Ты меня слышал?

– Да, – пробормотал я. Она наставила палец мне в лицо, злобно шурясь.

– Ты. Меня. Слышал?! – повторила она.

– Да! – заорал я. – Я слышал тебя.

Но я лгал ей в лицо, потому что знал: если я опять увижу, как отец пытается хотя бы пальцем дотронуться до нее, я за нее заступлюсь. Я буду драться за нее. Я буду ее голосом, даже если это будет значить, что я потеряю собственный голос. Потому что я знал, что только из-за него она умолкла. Только из-за него огонь у нее внутри погас.

«Мама, вернись ко мне».

Когда я потерял ее? Неужели она исчезла навсегда?

Если бы у меня была машина времени, я вернулся бы в прошлое и исправил бы ту ошибку, которая заставила ее стать такой, какой она стала. Я направил бы ее вправо, а не влево. Я упрямился бы ее не пробовать наркоту. Я напомнил бы ей, что она прекрасна, пусть даже какой-то мужчина сказал обратное. Я исцелил бы ее сердце, так сильно израненное.

Я ушел в свою комнату и попытался стереть из памяти все воспоминания о своем отце, но они упорно возвращались обратно, так сильно всколыхнул их его визит. Вся моя ненависть, вся моя злость, вся моя боль. Это все хлынуло в мой мозг, наполнив мою голову громким гулом, который я никак не мог унять.

«Ты скопытишься к двадцати пяти годам».

В моей душе царил паника, вокруг глаза пульсировала боль, и я едва не позволил демонам завладеть мною. Они дразнили меня, причиняли мне боль, медленно отравляли мой разум. Я смотрел на прикроватную тумбочку, где ждала меня доза, и слышал, как она шепчет мое имя, просит меня накормить демонов, чтобы они убралась прочь.

В тот вечер я хотел выиграть. Я хотел быть сильным – но не был. Я никогда не был достаточно сильным и никогда не буду.

«Просто сдайся. Ты все равно скопытишься к двадцати пяти годам».

Я сделал глубокий вдох, мои руки дрожали. Еще один вдох, мое сердце разрывалось. Еще один вдох, и я сделал единственное, что мог сделать.

Я открыл ящик тумбочки, готовый впустить тьму в себя, готовый уйти прочь от света – но тут мой телефон звякнул.

Алисса: Что ты делаешь?

Алисса написала мне именно тогда, когда мне это было нужно, хотя я был обижен, что она ждала почти до полуночи, чтобы написать мне. С днем рождения меня поздравил только Келлан, и он же угостил меня обедом. Отец подарил мне только синяк под глазом, а мама – только разочарование.

Но я рассчитывал на Алиссу. Она была моим лучшим другом, и за весь день она не сказала мне ни слова.

Я: Лежу в кровати.

Алисса: Ясно.

Кружочки.

Алисса: Спускайся вниз.

Приняв сидячее положение, я перечитал ее сообщение. Потом поспешно надел теннисные туфли, темные очки, красную толстовку и высочил из квартиры. Алисса сидела в машине, припаркованной прямо у подъезда, и улыбалась мне. Я окинул взглядом улицу, где люди пили и курили.

«Боже, как же я ненавижу, когда ты приезжаешь сюда. Особенно по ночам».

Я забрался на пассажирское сиденье ее машины и сразу же заблокировал дверцы.

– Что ты творишь, Алисса?

– Почему на тебе темные очки? – спросила она.

– Просто так.

Она протянула руку и сняла их с меня.

– Ох, Логан... – прошептала она, осторожно касаясь моего подбитого глаза. Я фыркнул и отодвинулся.

– Ты думаешь, меня побили? Видела бы ты моего противника!

Она не засмеялась.

– Твой отец?..

– Да. Но все в порядке.

– Не в порядке. Я никогда в жизни никого так не ненавидела. С твоей мамой все хорошо?

– Совсем не хорошо, однако все нормально. – Я видел, как глаза Алиссы наполнились слезами, поэтому быстро произнес: – Все в порядке, честное слово. Давай просто поедem туда, куда собирались, чтобы я мог ненадолго забыть.

– Ладно.

– И, Алисса...

– Да, Логан?

Я стер ее слезы кончиками пальцев и позволил чуть-чуть продлить прикосновение к ее щеке.

– Улыбнись.

Она ответила мне широкой, белозубой и фальшивой улыбкой. Но мне этого было достаточно.

Отъехав от подъезда, она еще долгое время куда-то везла меня. По дороге мы не говорили, и я не совсем понимал, что именно она затеяла. Когда машина притормозила у обочины заброшенной дороги, мое непонимание возросло.

– Нет, серьезно, что мы делаем?

– Идем, – сказала она, выскакивая из машины и бегом направляясь вдоль дороги. Эта девушка когда-нибудь станет причиной моей смерти – и под словом «смерть» я подразумеваю «жизнь». Потому что, когда она появилась в моей жизни, я каким-то образом обрел способ освобождаться от своих оков.

Я последовал за ней, потому что мне было интересно, куда она направляется – и неважно, почему.

Она остановилась перед приставной лестницей, ведущей к гигантскому рекламному щиту.

– Та-дам! – воскликнула Алисса, пританцовывая от восторга.

– Хм-м?

– Это тебе подарок на день рождения, олух!

– Ты хочешь подарить мне на день рождения приставную лестницу?

Она закатила глаза и выразительно вздохнула.

– Давай за мной, – скомандовала она, начиная карабкаться по лестнице. Я послушался.

Мы забрались наверх по самой высокой приставной лестнице, какую я когда-либо видел. На щите, на который мы лезли, красовалась реклама: «2 доллара за 5 бургеров у «Голодного Гарри». Я видел, что Алисса побаивается высоты, поэтому изо всех сил старается не смотреть вниз. Щит был окружен перилами, не дававшими нам свалиться, но все равно для нее здесь, похоже, было высоко.

– Ты не боишься? – спросил я, осваивая новые для себя навыки.

– Ну... то есть... немножко боюсь. Мне кажется, трудно понять, боишься ты высоты или нет, пока не окажешься очень высоко... а, неважно. – Она медленно отошла к краю щита и достала корзинку для пикника и завернутые в бумагу подарки. – Вот, держи. Сначала открой подарки.

Я послушался и едва не свалился вниз, когда увидел подарки.

– Я не была уверена, какой именно фильм ты смотрел со своим дедушкой, поэтому взяла все DVD, какие смогла найти, – объяснила она. Я держал в руках двенадцать дисков с документальными фильмами об устройстве галактики, и тот фильм, который мне показал дедушка, был в этой стопке.

– Господи... – пробормотал я, сжимая двумя пальцами переносицу.

– И еще... – Алисса махнула рукой в сторону неба. – Это самое лучшее место, которое я смогла найти, чтобы посмотреть ночью на звезды. Я несколько дней колесила по всему городу, пытаюсь отыскать такую точку. Знаю, это, наверное, глупо, но я решила, что тебе понравится вид отсюда. – Она нахмурилась. – Глупо, да? Мне следовало придумать что-нибудь получше. В прошлые два года я справилась неплохо, и я решила, что это будет...

Я схватил ее за руку, и она умолкла.

– Спасибо, – прошептал я, вытирая глаза свободной рукой. Потом шмыгнул носом и кивнул. – Спасибо.

– Тебе нравится?

– Нравится.

«Я начинаю влюбляться в тебя...»

Помотав головой, я попытался прогнать эту мысль.

Я не мог ее любить. Любовь означала боль. А она была одним из двух светлых пятен в моей черной жизни.

Я снова перевел взгляд на небо.

– Если посмотришь вон туда, то увидишь созвездие Скорпиона. В разные времена года те или иные созвездия видны лучше, чем другие. Скорпион, начиная с самой нижней звезды, выгибается вверх, а потом разделяется на пять точек, из-за чего немного похож на одуванчик. Самая яркая звезда этого созвездия – Антарес. Дедушка когда-то сказал мне, что это – сердце Скорпиона. Видишь? – спросил я, указывая на небо. Алисса кивнула. – Есть легенда, будто Орион, яростный охотник, хвастался, что сможет убить всех зверей в мире. Но скорпион победил его, и Зевс, бывший свидетелем этой битвы, в награду навечно вознес скорпиона в ночное небо.

– Красиво.

– Да, – прошептал я, бросая взгляд на нее, потом снова в небо. – Очень.

– И это тоже красиво, – произнесла она.

– Что красиво?

Она улыбнулась уголками губ, продолжая разглядывать звезды.

– То, как ты смотришь на меня, когда думаешь, будто я не вижу.

Мое сердце сбилось с ритма. Она заметила, как я глазею на нее?

– Ты вообще смотришь в мою сторону?

Она медленно кивнула.

– А потом, когда мы не вместе, я закрываю глаза и вижу тебя в своих мыслях. В такие минуты мне никогда не бывает одиноко.

«Я начинаю влюбляться в тебя...»

Я хотел открыть рот и сказать ей эти слова. Я хотел впустить ее в свою душу и поведать ей о том, как я грезил о ней. Потом я вспомнил, кто такой я и кто такая она и почему я не должен говорить эти слова.

Между нами повисло неловкое молчание, пока Алисса не прогнала его прочь.

– Ах да! Я еще сделала для нас очень поздний ужин! – воскликнула она, протягивая руку за корзинкой для пикника. – Не хочу, чтобы тебя оскорбило то, как превосходно я готовлю. Я знаю, что ты привык быть лучшим кулинаром в этом городе, но мне кажется, что в этом я тебя превзошла.

Она сунула руку в корзинку и достала контейнер, в котором лежали сэндвичи с джемом и арахисовым маслом. Я засмеялся.

– Не может быть! Ты сама это приготовила?

– Целиком и полностью. Не считая арахисового масла, джема и хлеба. Это все я купила в продуктовом магазине.

«И это мой лучший друг!»

Я вгрызся в сэндвич.

– Джем из лесных ягод?

– Джем из лесных ягод?

– Ну разве ты не любительница роскоши?

Она улыбнулась. И я немножко умер.

– На десерт я взяла упаковку малины и вот это. – Она достала пачку «Орео». – Я хорошо справилась, верно? Вот. – Она взяла одно печенье, разъяла его на половинки, положила внутрь малину и сложила снова. Потом изобразила, будто печенье летит к моему рту, словно самолетик. Я широко раскрыл рот, откусил кусочек печенья и застонал.

Алисса довольно приподняла брови.

– Ты стонешь над моим печеньем?

– Я определенно стонú над твоим печеньем.

Она шаркнула ножкой и выразительно вздохнула.

– Если бы мне платили доллар всякий раз, когда какой-нибудь парень говорит мне это...

– У тебя был бы один доллар и ноль центов.

Она отмахнулась, и я еще сильнее влюбился в нее. Я не мог понять, чего мне хочется больше: чтобы ее губы коснулись моих губ или услышать из этих губ еще какие-нибудь слова. Та и другая идея нравились мне сильнее, чем что-либо другое в мире.

«Слова, пусть будут слова».

– Какая твоя самая заветная мечта? – спросил я, забрасывая к себе в рот несколько ягод малины, а потом закидывая еще парочку к ней в рот.

– Самая заветная мечта?

– Да. Кем ты хочешь быть или что ты хочешь делать в будущем?

Она прикусила губу.

– Я хочу играть на фортепьяно и заставлять людей улыбаться. Делать людей счастливыми. Я знаю, что для большинства людей, таких, как моя мама, это звучит мелко. И я знаю, что это выглядит как совершенно дурацкая цель, но именно этого я хочу. Я хочу, чтобы моя музыка вдохновляла людей.

– Ты можешь это сделать, Алисса. Ты уже это делаешь. – Я верил в ее мечту сильнее, чем мог выразить словами. Когда я слышал, как она играет на пианино, мне казалась, что вся ужасная часть моей жизни тает и утекает прочь. Ее игра позволяла мне найти несколько минут покоя.

– А что насчет тебя? – спросила она, вложив мне в губы ягоду малины. На самом деле мои жизненные обстоятельства не располагали к мечтам, но когда я был рядом с Алиссой, все это казалось чуть более возможным.

– Я хочу быть поваром. Я хочу, чтобы люди приходили ко мне в плохом настроении и уходили в хорошем – благодаря тому, что я клал бы к ним в тарелки. Я хочу, чтобы люди, съев приготовленные мной блюда, чувствовали себя лучше и на несколько минут забывали все пакости, происходящие с ними в жизни.

– Мне это нравится. Надо открыть ресторан, поставить там рояль и назвать это заведение «АлиЛо».

– Или «ЛоАли», – ухмыльнулся я.

– «АлиЛо» звучит намного, намного лучше. И к тому же это была моя идея.

– Что ж, давай так и сделаем. Давай откроем «АлиЛо», будем готовить потрясающую еду, играть потрясающую музыку и будем жить долго и счастливо.

– Конец?

– Конец.

– Мизинчики? – спросила она, протягивая мне палец. Мы сцепились мизинцами в знак согласия.

– Мизинчики. – При этом жесте наши руки соприкоснулись.

– А какая еще мечта есть у тебя? – спросила она.

Я поразмыслил, следует ли рассказывать ей, потому что эта мечта звучала немного по-идиотски, но если я и считал, что кто-то меня не осудит, то это была она.

– Я хочу быть отцом. Знаю, что это звучит глупо, но я действительно этого хочу. Всю жизнь я рос с родителями, которые не знали, что значит «любить». Но если бы я был отцом, я любил бы своих детей сильнее, чем можно выразить словами. Я приходил бы на их бейсбольные матчи, их танцевальные выступления, я любил бы их вне зависимости от того, захотят ли они стать адвокатами или мусорщиками. Я был бы лучше, чем мои родители.

– Я знаю, Ло. Из тебя получился бы отличный отец.

Не знаю, почему, но от ее слов мне на глаза навернулись слезы.

Некоторое время мы сидели там, не говоря ни слова, просто глядя вверх.

Здесь было так спокойно и тихо. Я не мог представить другое место, где мне так же сильно хотелось бы быть. Мы все время держались за руки. Нравилось ли ей держать меня за руку? Замирало ли у нее сердце каждые несколько секунд? Быть может, она тоже по-своему влюблялась в меня? Я крепче сжал ее руку. Я не был уверен, что смогу ее отпустить.

– А чего ты сильнее всего боишься? – тихо спросила Алисса.

Я достал свободной рукой зажигалку и стал ею шелкать.

– Чего я сильнее боюсь? Не знаю. Того, что что-нибудь случится с людьми, которые мне небезразличны. Их мало. Келлан, ты, моя мама... А чего боишься ты?

– Потерять папу. Знаю, это звучит глупо, но каждый раз, когда звонят в дверь, я гадаю: а вдруг это он? Каждый раз, когда звонит мой телефон, у меня замирает сердце в надежде, что это он. Я знаю, что в последние несколько месяцев он вроде как числится пропавшим, но я знаю, что он вернется. Он всегда возвращается. Но мысль о том, что я могу потерять его навсегда, разбивает мне сердце.

Мы слушали тьму друг друга и показывали друг другу свой свет.

– Расскажи мне самое светлое воспоминание о своей маме, – попросила Алисса.

– Хм-м... – Я прикусил нижнюю губу. – Когда мне было семь лет, я каждый день ходил в школу. Как-то раз я вернулся домой и услышал музыку, игравшую на крыльце у нашего подъезда. Мама вынесла на улицу бумбокс, и он играл всякое старье – Temptations, Journey, Майкла Джексона и тому подобную классику. Мама сказала, что взяла у соседа CD-диск с музыкой и от этой музыки ей захотелось танцевать. Поэтому она танцевала прямо на улице и отходила на тротуар только тогда, когда проезжали машины. Она в тот день была ужасно красивой и танцевала вместе со мной весь вечер, пока луна не поднялась в зенит. А потом к нам присоединился Келлан. Он приехал на велосипеде, привез нам с мамой остатки своего ужина. И мы танцевали втроем. Ну то есть сейчас я понимаю, что тогда она была под какими-то веществами, но я этого не понимал. Я просто помню, как смеялся, кружился и танцевал под музыку с ней и Келланом. Ее смех мне нравился больше всего, потому что он звучал так громко и свободно. Это мое самое счастливое воспоминание о моей семье. К этому воспоминанию я возвращаюсь, когда вижу, как далеко она зашла.

– Это хорошее воспоминание, стоящее того, чтобы за него держаться, Ло.

– Да. – Я напряжено улыбнулся ей. Я никогда и никому не позволял по-настоящему понять, как сильно я скучал по своей маме, но я знал, что Алисса меня поймет: ведь она тоже скучала по своему отцу. – А какое у тебя лучшее воспоминание о твоём папе?

– Ты видел в моей комнате проигрыватель для виниловых пластинок?

– Да.

– Папа подарил мне его как-то раз на Рождество, и у нас появилась традиция: всякий раз перед тем, как я ложилась спать, мы вместе слушали и пели какую-нибудь песню. А потом, проснувшись утром, мы тоже пели песню. Современную музыку, старую музыку, что угодно. Это стало нашим обычаем. Иногда моя сестра Эрика приходила и пела с нами, иногда мама кричала нам, чтобы мы приглушили звук, но мы всегда только смеялись и улыбались.

– Так поэтому у тебя всегда по вечерам играет музыка, когда я прихожу к тебе в гости?

– Да. Забавно, но я кручу те же самые песни, которые когда-то слушала вместе с ним, но сейчас слова этих песен словно бы стали другими.

Мы продолжали разговор всю ночь напролет.

Я кормил ее малиной, пока она кормила меня своими мечтами. Она кормила меня малиной, пока я кормил ее своими страхами.

Мы смотрели на ночное небо, на некоторое время почувствовав себя свободными и в безопасности.

– Ты когда-нибудь думала о том, насколько безумны люди? – спросил я. – В одной только галактике Млечный Путь больше трехсот миллиардов звезд. Триста миллиардов искр, напоминающих нам о том, что вокруг нас есть целая вселенная. Триста миллиардов огоньков, которые выглядят такими крошечными, но на самом деле они больше, чем возможно представить. А еще есть другие галактики, все эти миры, которые мы не открыли и никогда не откроем. В мире так много чудес, но вместо того, чтобы подумать об этом хотя бы пару минут и осознать, что в действительности мы очень мелкие существа, живущие в очень крошечном мире, мы делаем вид, будто мы главные во всей вселенной. Нам нравится чувствовать себя ужасно важными. И нам всем нравится притворяться, будто наши обычаи – самые лучшие, наша боль – самая невыносимая... а ведь на самом деле любой из нас – просто крошечная точка на этом огромном, ужасно огромном небе. Крошечная точка, пропажи которой никто не заметит. Крошечная точка, которая скоро сменится другой, которая тоже будет считать себя самой важной в мире, хотя это не так. Я просто хотел бы, чтобы люди когда-нибудь прекратили драться из-за таких глупых мелочей, как раса, религия, сексуальная ориентация и телевизионные шоу. Я хотел бы, чтобы они помнили, насколько они малы в этой вселенной, и уделяли хотя бы пять минут в день на то, чтобы просто смотреть на небо и дышать.

– Логан...

– Да?

– Мне нравится твой образ мышления.

– Алисса...

– Да?

«Я начинаю влюбляться в тебя...»

– Спасибо за сегодня. Ты понятия не имеешь, как сильно мне это нужно. Ты понятия не имеешь, как сильно ты нужна мне. – Я легонько сжал ее руку. – Ты мой самый сильный наркотик. Ты мое небо.

Глава 5

Логан

– Ло! Ло! Ло! – выкрикивала Алисса неделю спустя, мчась ко мне сквозь проливной дождь. Я стоял на самой высокой ступеньке стремянки и мыл окна на третьем этаже – снаружи. Мама, конечно же, требовала от меня помыть окна только тогда, когда на улице лил дождь. Услышав голос Алиссы, я вздрогнул и уронил ведро с водой (в основном дождевой) с высоты на землю.

– Господи, Алисса, не пугай меня так! – закричал я в ответ.

Она слегка нахмурилась, держа над головой ярко-желтый зонтик в горошек.

– Что ты делаешь? – спросила она.

– Мою окна.

– Но ведь идет дождь!

«Кто бы сомневался, Шерлок», – подумал я про себя. Но потом я осознал: Алисса не виновата в том, что мне пришлось мыть окна, и не заслуживает моего дурного настроения. Я спустился со стремянки и посмотрел на свою подругу. Она сделала шаг ко мне и укрыла зонтиком нас обоих.

– Тебя заставила твоя мама? – спросила она с самым печальным выражением лица, которое я когда-либо видел.

Я ничего не ответил.

– Что ты здесь делаешь? – спросил я слегка сердитым тоном. Я жил совсем не в таком месте, в каком жила Алисса. Я жил в поганом квартале, и здесь было небезопасно для любого человека, особенно для такой девушки, как Алисса. Дальше по улице находилась баскетбольная площадка, где наркотики принимали чаще, чем играли в баскетбол. На углах улиц стояли темные личности, перекрикивая друг друга и стараясь выручить лишнюю пару баксов. По улицам расхаживали проститутки, предлагая себя. То и дело слышались оружейные выстрелы, но, к счастью, я не видел, чтобы они в кого-нибудь попадали.

Я ненавидел это место. Эти улицы. Этих людей.

И мне было противно, что Алиссе иногда приходится появляться здесь.

Она несколько раз моргнула, словно забыла, ради чего пришла сюда.

– Ах да! – сказала она, и хмурое выражение на ее лице сменилось широкой улыбкой. – Задница позвонил мне! Я хотела, чтобы он сегодня вечером пришел на мое выступление, но он мне не звонил, помнишь? До сегодняшнего дня! Он только что позвонил мне и сказал, что может прийти!

Она восторженно взвизгнула. Я моргнул – на меня это не произвело впечатления. Задница постоянно давал такие обещания Алиссе и всегда находил способ в последний момент отказаться от своих слов.

– Не делай этого, – потребовала она, наставляя на меня палец.

– Не делать чего?

– Не смотри на меня с таким выражением – мол, «оставь свои надежды, Алисса». Это не я ему позвонила, Логан. Это он позвонил мне. Он хочет прийти туда. – Она продолжала улыбаться. И это заставляло меня по-настоящему переживать за нее. Я никогда в жизни не видел человека, которому так сильно требовалось бы чувствовать себя нужным.

«Ты нужна, Алисса Мари Уолтерс. Честное слово».

– Я и не смотрю на тебя с таким выражением, – солгал я. Хотя выражение моего лица определенно было именно таким.

– Ладно. Давай оценим все плюсы и минусы этой ситуации, – предложила она. Прежде чем мы с Алиссой в прошлом июне окончили старшую школу, у нас был курс истории, где учитель заставлял нас составлять список всех плюсов и минусов для любой войны, которую когда-либо вели люди. Это ужасно раздражало, к тому же у нашего учителя был невероятно монотонный голос. Так что с тех пор мы с Алиссой стали составлять списки плюсов и минусов абсолютно для всего – естественно, говоря при этом очень монотонным голосом.

– Плюс номер один, – сказала она, ее голос стал ужасно скучным. – Он придет.

– Минус номер один – он не придет, – отозвался я. Она сердито шмыгнула носом.

– Плюс номер два – он придет с цветами. Он звонил и спросил, какие у меня любимые цветы. Такое не делают, если не собираются принести цветы.

Маргаритки. Задница и так должен был знать, какие у нее любимые цветы.

– Минус номер два: он позвонит в последнюю минуту и все отменит.

– Плюс номер три, – произнесла она, упирая руки в бока. – Он придет и скажет мне, какая я замечательная. И как он гордится мною. И как сильно он скучает по мне и любит меня. – Я собирался возразить, но она перебила меня, ее голос уже не был монотонным: – Послушай, Ло. Больше никаких минусов. Мне нужно, чтобы ты смотрел на меня и радовался за меня. Даже если эта радость будет фальшивой! – Она так и улыбалась, в голосе ее звучали восторженные нотки, однако взгляд выдавал ее подлинные чувства. Алисса нервничала и боялась, что отец снова подведет ее.

Поэтому я улыбнулся ей, не желая, чтобы она нервничала или боялась. Я хотел, чтобы она по-настоящему была счастлива, а не просто притворялась.

– Отлично, Алисса, – сказал я, легонько ткнув ее в плечо. – Он придет.

Она выдохнула и кивнула.

– Он обязательно придет.

– Конечно, – подтвердил я с фальшивой уверенностью. – Потому что если кто-то в мире и стоит того, чтобы ради него прийти на концерт, то это Алиссса-мать-ее-Уолтерс.

Щеки ее порозовели, она кивнула.

– Это я! Алиссса-мать-ее-Уолтерс! – Она сунула руку в задний карман и достала билет, упакованный в герметичный пакетик. – Ладно. Так вот, мне нужна твоя помощь. Не хочу, чтобы мама узнала, что я разговаривала с папой. Я не хочу, чтобы он появлялся поблизости от нашего дома. Поэтому я сказала папе, что он может забрать билет у тебя. – Алисса смотрела на меня глазами, полными надежды на то, что ее план сработает. От меня не ускользнуло, что она назвала его папой, а не Задницей. Это еще сильнее опечалило меня.

Я дико надеялся, что он все-таки придет.

– Я передам, – сказал я. Ее глаза сделались мокрыми, и она отдала мне зонтик подержать, пока вытирает слезы.

– Ты лучший друг, какой может быть у девушки. – Она подалась вперед и поцеловала меня в щеку – целых шесть раз.

Я притворился, будто не заметил, что мое сердце шесть раз сбилось с ритма.

Она же этого не заметила, верно? Она не замечала, как мое сердце екало каждый раз, когда она стояла рядом со мной.

Глава 6

Алисса

– Как прошла твоя репетиция? – спросила мама, когда я вернулась от Логана. Вместо того чтобы отправиться на репетицию, я поехала к нему и упростила его передать билет папе. Но я не могла сказать маме об этом – она не поняла бы. Она сидела у себя в кабинете, печатая что-то на компьютере, словом, занималась тем, что умела лучше всего – работала. Рядом с нею стоял бокал вина, а рядом с бокалом – непочатая бутылка. Мама даже не посмотрела на меня, и прежде чем я успела ответить, она продолжила: – Сложи всю свою грязную одежду в корзину для стирки в ванной. Потом, если сможешь, постирай и положи в сушилку.

– Ладно, – сказала я.

– Я сделала лазанью, если захочешь – поставь ее без пятнадцати четыре в духовку на час.

– Ладно.

– И пожалуйста, Алисса... – Она прекратила печатать и повернулась ко мне, сжимая переносицу двумя пальцами. – Ты не можешь перестать бросать свою обувь в прихожей? Честное слово, оттуда всего два шага до шкафа.

Я посмотрела в сторону прихожей, где на полу лежали сброшенные мною кеды «Конверс».

– Я убрала их в шкаф.

Она хмуро посмотрела на меня, и во взгляде ее читалось: «Ложь».

– Убери в шкаф, пожалуйста.

Я убрала «конверсы» в шкаф.

Когда настало время обедать, мы с мамой сели за стол. Она смотрела в свой мобильник, отвечала на электронные письма, а я смотрела в свой телефон и оставляла комментарии под постами в «Фейсбуке».

– Лазанья какая-то не такая на вкус, – заметила я, тыча вилкой в лежащее передо мной блюдо.

– Вместо лапши я взяла омлет из яичных белков.

– Но ведь лазанья называется так именно из-за лапши, верно? Ну само название происходит от названия макаронных изделий. А без них мы просто едим яйца с сыром и соусом.

– Так она содержит меньше углеводов, а ты же знаешь, что тебе следует следить за своим весом, прежде чем поступать в колледж, я тебе много раз говорила. «Пятнадцать фунтов первокурсника» – это не шутки, а реальная ситуация, и к тому же я читала статью о том, что те, у кого и так есть лишний вес, обычно набирают больше веса, чем нормальные люди.

– Нормальные люди? Ты хочешь сказать, что я ненормальная? – Я ощутила, как в горле встает ком. Мама выразительно закатила глаза.

– Ты излишне чувствительна, Алисса. Хотела бы я, чтобы ты была более стабильной, как твоя сестра Эрика. К тому же ее пищевые привычки в десять раз лучше твоих. Я просто констатирую факт. Тебе нужно внимательнее следить за тем, что ты ешь, вот и все. – Она быстро сменила тему. – Ты так и не сказала, как прошла репетиция. – Она взяла кусочек «лазаньи».

– Все отлично, – ответила я. – Ты же знаешь, «я и фортепьяно – одно и то же».

Она фыркнула.

– Да, знаю. Извини, что не смогу прийти на твое выступление сегодня вечером. У меня слишком много работы.

Она не заметила, как я закатила глаза, словно подражая ей. Ее фраза была совершенно лишней. Мама никогда не ходила на мои выступления, потому что считала, что музыка – это

хобби, а не занятие для жизни. Когда она узнала, что я собираюсь поступить в колледж, чтобы изучать музыкальную терапию, она едва не отказалась платить за мое обучение, но моя сестра Эрика уговорила ее. Несмотря на то что у сестры был такой же реалистичный подход к жизни, как у мамы, она все же верила в мою музыку. Может быть, потому, что ее парень Келлан был музыкантом и она любила его и его артистическую душу.

Иногда я закрывала глаза и пыталась вспомнить времена, когда мама не была такой резкой – не была такой безжалостной. В воспоминаниях я почти видела, как она улыбается. Но, может быть, эти моменты были лишь игрой моего воображения, желанием уцепиться за что-то приятное. Быть может, она стала такой холодной в тот день, когда ушел папа? Или, может быть, его тепло просто какое-то время маскировало ее ледяную душу?

– Думаю, мне нужно пойти в концертный зал, чтобы подготовиться к вечеру. Спасибо за обед, мама, – сказала я. Она налила себе еще один бокал вина.

– Ну да.

Я набросила легкую куртку, натянула «конверсы» и взяла сумочку ручной работы, которую папа купил мне, когда гастролировал в Южной Америке. Мама окликнула меня:

– Алисса!

– Да?

– Перед тем как уйти, включи посудомойку и переложи выстиранные вещи в сушилку. И еще купи мне пинту мороженого в магазине «Бэлли». Но сама мороженое не ешь! Помни про «пятнадцать фунтов первокурсника».

* * *

Мне казалось, что в груди у меня все пылает.

Когда я выглядывала из-за кулис, сиденье 4А все еще оставалось пустым. «Он придет», – обещала я себе. «Он звонил мне, он сказал, что будет здесь, – думала я. – С маргаритками».

Я любила маргаритки. Это были мои любимые цветы, и папа знал это и собирался принести мне их. Он это обещал.

– Ты следующая, Алисса, – сказала мне распорядительница. Я чувствовала, как мое сердце колотится о ребра. При каждом шаге, который я делала к роялю, мне казалось, будто я вот-вот упаду. Я задыхалась, зная, что его там нет. У меня кружилась голова, потому что я знала: все его слова были ложью. Ложью. Бесплезный ранящей ложью.

А потом я подняла взгляд.

«Плюс».

Место 4А было занято.

«Он пришел».

Сев за рояль, я расслабилась и позволила себе не видеть ничего, кроме клавиш. Мои пальцы касались этих клавиш, творя магию. Творя музыку моей души, заполняющую зал. Я не собиралась плакать, но пока я играла, по щекам моим скатились несколько слезинок. Закончив играть, я встала и поклонилась. Зрители не должны были хлопать, пока не выступят все участники, чтобы плохие исполнители не ощущали стыда, когда не услышат аплодисментов. Но парень, сидящий на месте 4А, встал, держа в руках одну-единственную маргаритку, и захопал, как сумасшедший, выкрикивая «браво».

Я улыбнулась парню в слишком большом для него костюме.

Потом, не думая, прыгнула в зал и обняла этого парня.

– Билет все равно был для тебя, – солгала я, уткнувшись ему в плечо.

Тогда он обнял меня еще крепче.

Кому вообще был нужен этот Задница? У меня был Логан Фрэнсис Сильверстоун.

И этого мне было достаточно.

Глава 7

Логан

– Костюм тебе слишком велик, – сказала она, дергая за рукава, свисавшие ниже кончиков моих пальцев. Единственная маргаритка, которую я ей подарил, торчала у нее за левым ухом с тех самых пор, как мы вышли из зала.

– Это костюм Келлана, – объяснил я. – Я попросил его привезти мне костюм, когда понял, что Задница не приедет.

– Ты в нем тонешь, – пошутила Алисса. – Но все равно выглядишь отлично. Я никогда раньше не видела тебя в костюме. Тебе понравился концерт? Это было не лучшее мое выступление.

– Все было идеально.

– Спасибо, Ло. Думаю, сегодня нам нужно как-нибудь развлечься. А ты как считаешь? Мне кажется, нам надо... Ну я не знаю... сделать что-нибудь безумное! – Она говорила, говорила и говорила – это у нее хорошо получалось. Она кружилась на ходу, улыбалась и говорила, говорила и улыбалась.

Но я не очень внимательно слушал ее, мои мысли блуждали где-то еще.

Я хотел и дальше рассказывать Алиссе о том, какой великолепной она была на концерте, как выступила лучше всех остальных. О том, как она заставила меня почувствовать себя живым – одним лишь тем, как ее пальцы касались клавиш. О том, как я все это время не сводил с нее глаз. О том, как она обнимала меня, и я не хотел отпускать ее – никогда. О том, как я иногда думаю о ней, занимаясь повседневными вещами – чистя зубы, причесывая волосы, разыскивая чистые носки. Я хотел сказать ей обо всем, о чем я думал, потому что в моих мыслях была только она.

Я хотел сказать ей о том, что я чувствую к ней. Я хотел сказать ей о том, что влюбился в нее. Я хотел сказать ей о том, как мне нравятся ее непокорные волосы, как мне нравятся ее губы, которые постоянно щебечут то об одном, то о другом.

Я хотел...

– Логан, – прошептала она, неподвижно застыв на тротуаре. Мои ладони каким-то образом легли ей на поясницу, и я привлек Алиссу ближе к себе. Частое дыхание срывалась с моих губ, замерших в нескольких дюймах от ее рта. Ее жаркие выдохи становились моими глубокими вдохами. Мы дрожали в объятиях друг друга. – Что ты делаешь?

Что я делал? Почему наши губы оказались так близко? Почему наши тела прижались друг к другу? Почему я влюбился в свою лучшую подругу?

– Правда или ложь? – спросил я.

– Ложь, – прошептала она.

– Я поправляю цветок в твоих волосах, – сказал я, заправляя локон ей за ухо. – Теперь спроси еще раз.

– Что ты делаешь? – спросила она, когда я придвинулся ближе, чувствуя, как ее слова касаются моих губ.

– Правда или ложь?

– Правда.

– Я не могу перестать думать о тебе, – сказал я ей. – Я имею в виду, не только сейчас, но и все время, постоянно. Утром, днем, вечером – ты всегда в моих мыслях. Я не могу перестать думать о том, чтобы поцеловать тебя. Я не могу перестать думать о том, чтобы поцеловать тебя

медленно. Но это должно быть медленно. Потому что чем медленнее поцелуй, тем дольше он будет. А я хочу, чтобы он был долгим.

– Это правда? – тихо спросила она, глядя на мои губы и вздрагивая.

– Это правда. Но если ты не хочешь, чтобы я целовал тебя, я не буду. Если ты хочешь, чтобы я солгал, я солгу.

Она встретилась со мной взглядом, ее ладони легли мне на грудь. Мое сердце колотилось под кончиками ее пальцев, она придвинулась чуть ближе ко мне, прикусила нижнюю губу и едва заметно улыбнулась.

– Ты мой лучший друг, – прошептала она, одергивая подол своего платья в горошек. – Ты первый, о ком я думаю, когда просыпаюсь по утрам. Ты тот, по кому я скучаю, когда ты не лежишь в постели со мной. Ты единственный, кто всегда кажется мне правильным, Ло. И если мы говорим откровенно, то я скажу – я хочу, чтобы ты поцеловал меня. И не один раз, а много.

Наши тела соприкоснулись, и я ощутил, как ее бьет нервная дрожь. Алисса несколько раз икнула.

– Нервничаешь? – спросил я.

– Нервничаю, – ответила она.

Это было неловко, но в то же самое время ощущалось именно так, как я всегда надеялся. Как должно было быть.

Я пожал плечами. Она пожала плечами.

Я засмеялся. Она засмеялась.

Я приоткрыл губы. Она приоткрыла губы.

Я подался вперед. Она подалась вперед.

И моя жизнь изменилась навсегда.

Мои руки теснее сплелись за спиной Алиссы, когда она поцеловала меня. Она целовала меня крепче и крепче с каждой секундой, как будто пытаюсь понять, было это по-настоящему или нет.

Было ли это по-настоящему?

Быть может, мой больной разум прождал безумные фантазии. Быть может, в действительности я просто грезил.

Быть может, Алиссы Уолтерс никогда не было. Быть может, я придумал ее, чтобы не сойти с ума от этой дерьмовой жизни.

Но если этого не было на самом деле, почему оно ощущалось таким реальным?

Наши губы разделились на долю секунды. Мы неотрывно смотрели друг другу в глаза, словно гадая: то ли нам воплотить эту мечту в жизнь, то ли остановиться, пока мы не разрушили маленькую безопасную гавань нашей дружбы.

Она снова подалась ближе и запустила дрожащие пальцы в мои волосы.

– Пожалуйста, – прошептала она. Мои губы скользнули по ее губам, и ее глаза закрылись, прежде чем мы снова слились в поцелуе. Алисса крепче прижала меня к себе, и ее язык скользнул между моими губами. Я целовал ее еще сильнее, чем она целовала меня. Мы оказались у ближайшего здания, и я приподнял ее и прижал к холодной каменной стене. Я хотел ее сильнее, чем она могла хотеть меня. Наши поцелуи сделались глубже, наши языки сплетались, и мой разум давал мне фальшивые обещания того, что Алисса всегда будет со мной.

Я не мог осознать это – ее губы, те самые губы, о которых я грезил так долго, те губы, которые улыбались мне, делая мою жизнь светлее, сейчас целовали меня.

Я целовал свою лучшую подругу, и она целовала меня в ответ.

Она целовала меня так, как будто хотела этого, а я целовал ее так, словно она была для меня целым миром.

«Она и есть. Она и есть мой мир».

Когда мы прекратили целоваться, мы оба тяжело дышали. Я опустил ее обратно на землю.

Она отступила на шаг. Я сделал то же самое.
Мы оба дрожали и не знали, что делать дальше.
Я пожал плечами. Она пожала плечами.
Я засмеялся. Она засмеялась.
Я приоткрыл губы. Она приоткрыла губы.
Я подался вперед. Она подалась вперед.
И мы все начали сначала.

Глава 8

Алисса

Мы молчали.

В моей комнате было почти тихо, не считая нескольких звуков. Жужжал потолочный вентилятор, вращаясь над головами, когда мы лежали рядом в моей постели. Играл проигрыватель, стоящий на комодe, запись спотыкалась каждые несколько секунд, как будто пластинка была повреждена – и в то же время звучала так, словно она была совершенно целой. Каждые несколько минут шипел автоматический освежитель воздуха, запах роз касался нашего обоняния. И последним звуком были наши тихие вдохи и выдохи.

Мое сердце колотилось так неистово потому, что оно боялось, я была в этом уверена. С каждым днем, проведенным вместе, я все сильнее влюблялась в Логана. Сегодня мы поцеловались. Мы целовались, казалось, вечность, но этого все же не было достаточно.

А теперь я боялась.

Мне казалось, что его сердце так же напугано, как мое. «Должно быть напугано».

– Ло? – произнесла я хриплым голосом, в горле у меня пересохло.

– Да, Небо? – Он стал называть меня Небом с той нашей посиделки на рекламном щите – после того, как назвал меня своим самым сильным наркотиком.

Он не знал, как сильно мне это нравится.

Я придвинулась ближе к нему, прижавшись к изгибу его бока. Логан всегда был для меня чем-то вроде спасательного одеяла, укутывавшего меня тогда, когда жизнь становилась слишком холодной. Он всегда держал меня, даже когда сам чувствовал себя ужасно потерянным.

– Ты собираешься разбить мне сердце, верно? – прошептала я ему на ухо. Он кивнул, глаза его были виноватыми.

– Я могу.

– И что случится тогда?

Он не ответил, но в его взгляде я видела страх – страх того, что он может причинить мне боль. Он любил меня. Он никогда не говорил этого вслух, но было именно так. Это давало представление о том, как Логан любил кого бы то ни было – тихо, почти тайно.

Он боялся позволить кому-либо узнать о своей любви, ведь жизнь научила его тому, что любовь не была ценным призом – она была оружием. А он смертельно устал от боли.

Если бы он только знал, что его любовь была единственным, ради чего мое сердце продолжает биться... О, как бы я хотела, чтобы он вслух признался мне в своей любви!

Мы снова замолчали.

– Небо, – прошептал он, придвигаясь чуть ближе.

– Да?

– Я влюбился в тебя, – тихо произнес он, словно прочтя мои мысли.

Мое сердце пропустило удар.

В его голосе я слышала страх и возбуждение. Страх был намного сильнее, но не мог полностью заглушить радостное желание.

Медленно кивнув, я взяла его за руку, и он позволил мне это. Я крепко сжала его руку, потому что знала – этот момент меняет все. После этого момента мы уже не сможем вернуться обратно. Мы шли к этому несколько месяцев, испытывали чувство, которое сами не понимали. Любить лучшего друга было странно. Но каким-то образом это было правильно. До этого вечера он никогда не подходил ко мне достаточно близко, чтобы сказать «люблю». Я не была

уверена, что в сердце Логана есть место такому чувству. Вся его жизнь проходила во тьме. Так что, когда он произнес эти слова, это означало больше, чем кто-либо другой мог понять.

– Это пугает тебя, – сказала я.

Он крепче сжал мою руку.

– Ужасно пугает.

Когда-то я гадала: как человек понимает, что он влюбился? Какие признаки? Какие подсказки? Происходит ли это постепенно или разом? Неужели кто-то просыпается утром, пьет кофе, а потом смотрит на человека, сидящего напротив, и падает в это чувство, как в пропасть?

Но теперь я знала. Человек не падает в любовь, он тает в ней. Еще вчера ты был айсбергом, а сегодня уже лужица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.